

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 321

doi: 10.35750/2071-8284-2023-4-10-30

Наталья Михайловна Золотухина

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0003-0714-4800>, nzolutuhina@list.ru

Татьяна Валентиновна Власова

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0001-7371-9719>, t_vlasova@list.ru

*Российский государственный университет правосудия
Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69*

Политические идеалы отечественных мыслителей XI – начала XVII вв.

Аннотация: Введение. К сожалению, в настоящее время учёными не дано адекватной оценки политических идеалов отечественных мыслителей, писателей и публицистов XV – начала XVII вв., многие из них просто дискредитированы, поскольку подгоняются под схему «изначальной приверженности самодержавию», воспринимаемому в качестве синонима абсолютизма. Серьёзные научные разногласия касаются не одного, не двух и даже не трёх средневековых мыслителей, а поголовно всех, особенно позднего Средневековья, представленного такими известными именами как Иосиф Волоцкий, Филофей Псковский, И. С. Пересветов, А. М. Курбский, Зиновий Отенский, анонимные авторы «Валаамской Беседы» и завершающего эту плеяду на рубеже Средних веков и первой четверти Нового времени государева дьяка Ивана Тимофеева. **Методы.** Авторы на основе системного, исторического и сравнительного анализа трудов указанных мыслителей предложили свой взгляд на сформулированные ими политические идеалы. **Результаты.** Итогом исследования стали следующие выводы: понимание исследователями политического идеала средневековых мыслителей зависит от оценки как непосредственно их трудов, так и исторических условий, в которых они были созданы; достижению единства в определении форм правления, формирующихся в разные исторические эпохи, и оценке сопутствующих им политико-правовых учений препятствует сохранение некоторых устаревших схем, многие из которых возникли еще в дореволюционный период, были некритически восприняты в советской историографии и сохраняются поныне; при исторических и особенно историко-правовых исследованиях, необходимо всегда применять историческую, а не современную терминологию при анализе ключевых понятий, используемую средневековыми мыслителями при характеристике существующих (для них) исторических условий и в предлагаемых ими проектах государственно-правовых преобразований.

Ключевые слова: форма правления, власть, ограничение власти, сословно-представительная монархия, абсолютизм, самодержавие

Для цитирования: Золотухина Н. М., Власова Т. В. Политические идеалы отечественных мыслителей XI – начала XVII вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 4 (100). – С. 10–30; doi: 10.35750/2071-8284-2023-4-10-30.

Natalia M. Zolotukhina

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-0714-4800>, nzolotuhina@list.ru

Tatiana V. Vlasova

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0001-7371-9719>, t_vlasova@list.ru

Russian State University of Justice

69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russian Federation

Political ideals of Russian thinkers of the XI – early XVII centuries

Abstract. Introduction. Unfortunately, at present, scientists have not given an adequate assessment of the political ideals of Russian thinkers, writers, and publicists of the XV – early XVII centuries, many of them are directly discredited, as they are manipulated into the scheme of “the initial commitment to autocracy», perceived as synonymous with absolutism. Serious scientific disagreements concern not one, not two, or even not three medieval thinkers, but all of them, especially the late Middle Ages, represented by such famous names as Joseph Volotskiy, Filofey Pskovskiy, I. S. Peresvetov, A. M. Kurbsky, Zinoviy Otenskiy, anonymous authors of the Valaam Conversation, etc. This galaxy is completed at the turn of the Middle Ages and the first quarter of Modern Times by the sovereign clerk Ivan Timofeyev.

Methods. The authors, based on a systematic, historical, and comparative analysis of the works of these thinkers, offered their own viewpoint on the political ideals formulated by them.

Results. The result of the study is presented by the following conclusions: researchers’ understanding of the political ideal of medieval thinkers depends on the assessment of both their works themselves and the historical conditions in which they were created; the preservation of some outdated schemes, many of which originated in the pre-revolutionary period which were uncritically perceived in Soviet historiography and remain up to nowadays, prevents the achievement of unity in the definition of the forms of government which were forming in different historical epochs and the assessment of the accompanying political and legal doctrines; in historical and especially historical and legal studies, it is always necessary to apply historical, rather than modern terminology in the analysis of key concepts used by medieval thinkers in characterizing existing (for them) historical conditions and in their proposed projects of state-legal transformations.

Keywords: form of government, power, limitation of power, class-representative monarchy, absolutism, autocracy.

For citation: Zolotukhina N. M., Vlasova T. V. Political ideals of Russian thinkers of the XI – early XVII centuries // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 4 (100). – P. 10–30; doi: 10.35750/2071-8284-2023-4-10-30.

Данная работа продолжает исследование вопроса, начатое в статье «Проблемы определения формы правления России XI – начала XVII вв. в современной историографии»¹.

Формирование теорий, утверждающих необходимость ограничения полномочий верховного властителя советным органом, началось с самых ранних известных нам средневековых памятников письменности, первым из которых

был политический трактат «Слово о Законе и Благодати» Киевского митрополита **Илариона** (XI в.), в котором образованный митрополит² сформулировал своё представление об организации верховной власти в обществе, её целях и задачах. Будучи знатоком византийской литературы, он воспользовался политическим идеалом, разработанным в византийских политиче-

¹ Золотухина Н. М., Власова Т. В. Проблемы определения формы правления России XI – начала XVII вв. в современной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 37–47; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-37-47.

² Летописец сообщает, что был «Ларион муж блажен и постен» (см.: Повесть временных лет / подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – Ч. 1. – С. 105.

ских трактатах («княжеских зеркалах»), внеся в него нравственно-философские ценности, издавна почитаемые на Руси. Иларион привел в качестве примера, достойного для подражания, великому князю Ярославу Мудрому (1019–1054) византийского равноапостольного императора Константина, при котором имелся Сенат, состоявший из крупных государственных сановников и опиравшийся в своей деятельности на разветвлённый бюрократический аппарат, дополнив его рассказом о постоянных советах императора Константина с Отцами Никейского собора. Кроме этого, Иларион сослался на главный догмат православной конфессии христианской религии – Троицу, разъяснив, что Всемогущий Бог в триединстве ипостасей разрешал все важнейшие дела в сотворенной им Вселенной. Также «власть, государство и церковь» выступают у Илариона как единые в трёх лицах в своей деятельности³.

Владимира I мыслитель называл единоподержцем своей земли. Однако он не соединял это понятие с объёмом властных полномочий великого князя, а связывал с характеристикой его как единственного носителя верховной власти на всей подвластной ему территории. Иларион напомнил Ярославу Мудрому, что на Владимира, как и на всех последующих носителей верховной власти, Бог возложил ответственность за вручённых ему людей, увеличив меру этой ответственности тем, что правил князь Владимир «не в худой и неведомой земле, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли»⁴. Митрополит перечислил все положительные качества (якобы имевшиеся) этого князя, которые он хотел бы видеть и у его сына – Ярослава Мудрого⁵.

Произведения Илариона⁶, благодаря насыщенности содержания и прекрасной форме изложения, пользовались большой известностью не только у современников, но и у мыслителей Московского государства. В. Я. Дерягин назвал Илариона «литературным гигантом, выросшим в развитой культурной среде»⁷.

Владимир Мономах, приглашённый на великое Киевское княжение по настойчивой двукратной просьбе «киян» в 1113 г., был к тому

времени известным и авторитетным князем, прославившимся как хороший полководец и справедливый правитель⁸. Он был младшим сыном великого князя Всеволода Ярославича, рождённым от матери гречанки, получившим хорошее образование и обладавшим незаурядными литературными способностями. В настоящее время ему приписываются: «Поучение» детям – будущим великим князьям, «Послание Черниговскому князю Олегу Святославичу» и «Отрывок» из несохранившегося сочинения, условно названный исследователями «Автобиографией». Политико-правовые взгляды Владимира Мономаха наиболее подробно изложены в «Поучении». Источниковая база его сочинений обширна и обнаруживает знакомство с Библией, сочинениями Отцов церкви: Василия Великого, Григория Великого (Назианзина), Иоанна Златоуста; Шестодневом Иоанна, экзарха Болгарского, а также распространёнными на Руси Сборниками, особенно «Изборником 1076 г.» и «Пчелой». Знакомство с византийскими сборниками законов (Эклогой, Эпаногой и Прохионом) сказалось на подготовке князем Устава Владимира Всеволодовича Мономаха. Большое влияние на него оказала и «Русская правда», в которой отсутствовала смертная казнь. Владимир Мономах в «Поучении» выступил с теоретическим обоснованием её запрета: «Ни правого, ни кривого (виновного – *Н.З., Т.В.*) не убивайте и не приказывайте убить его; даже если он будет повинен смерти, не губите ни одной христианской души»⁹.

Он советовал будущим князьям все государственные дела всегда решать совместно с советом дружины. Во время его княжения в этот Совет кроме старших дружинников входили старцы градские – почётные и уважаемые в обществе люди. Принимали в нём участие также Совет епископов и лично митрополит Никифор. Владимир Мономах в Послании к Олегу Черниговскому предлагал все спорные вопросы между князьями всегда решать на совместном совете, стараясь «договариваться и мириться», а не «губить русскую землю междоусобными бранями». Недовольные чем-либо князья должны прислать великому князю «грамотку с правдой», тогда другие князья на общем совете всё рассудят и примут соответствующее решение.

Владимир Мономах был хорошим писателем. Все его сочинения написаны образным и вместе с тем доступным для читателей языком,

³ Иларион. Слово о Законе и Благодати / Реконструкция древнерус. текста Л. П. Жуковской. – Москва: ПИФ «Столица»: НИЦ «Скрипторий», 1994. – 143 с.

⁴ Там же. – С. 73.

⁵ Там же. – С. 81, 87.

⁶ Кроме «Слова о Законе и Благодати» Илариону приписывают «Молитву», «Толкование символа веры» и Запись, составленную Иларионом, по поводу его интронизации Киевским митрополитом. В дальнейшем его произведения часто переписывались и во многих списках были объединены.

⁷ Дерягин В. Я. Иларион. Жизнь и «Слово» // Иларион. Слово о Законе и Благодати / реконструкция древнерус. текста Л. П. Жуковской. – Москва: ПИФ «Столица»: НИЦ «Скрипторий», 1994. – С. 23.

⁸ В последние годы великого княжения Всеволода, в связи с его болезнями и старостью, Владимир Мономах проживал вместе с отцом в Киеве и был его соправителем.

⁹ Повесть временных лет / подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Акад. наук СССР (текст и перевод. – Москва; Ленинград: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Ленинграде, 1950. – Ч. 1–2. – 1-е изд. – С. 358.

поэтому они пользовались успехом не только у его современников, но и у далеких потомков, особенно когда стали актуальными призывы к объединению земель под властью единого правителя – Московского великого князя, а затем и царя всея России.

Завершением политико-правовых взглядов домонгольской эпохи стало учение об организации верховной власти, приписанное таинственному автору, выступившему под псевдонимом «Даниил Заточник» или «Даниил Заточенный». Под этим именем известно две редакции сочинения: «Слово» и «Послание (Моление)», созданные накануне татаро-монгольского нашествия. Соотношение этих редакций, время и место их написания, как и адресат, до настоящего времени вызывают дискуссии. Наиболее распространено мнение о вторичности «Послания (Моления)», соединяющего в своём содержании элементы «Слова» с более подробным изложением темы, приближенной к реалиям Переяславля Северного (Залесского), обращенного к Переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу (1212–1236).

В этом произведении подробно рассмотрен вопрос об организации политической власти в обществе. Даниил осуждает территориальную раздробленность страны, в которой дальновидно предвидит возможность потери суверенитета и даже гибель государства. Наилучший выход в преддверии враждебного наступления на Россию (имеется в виду известная угроза о походе Батыея) он видит в объединении всех земель (и соответственно всех воинских сил) под единой властью великого князя. Но управлять страной и народом Даниил советует правителю не единолично, а совместно с Думой, которой придает большое значение, потому что «не море топит корабли, но ветри, не огонь творит разжежение железу, но надымание мешное, так и князь не сам впадает в вещь, но думцы вводят. З добрым думцею думая, князь высока стола добудет, а с лихим думцем, думая, меньшего лишен будет»¹⁰. Наличие Думы не вызывает сомнений у Даниила, он сосредотачивает свое внимание на выборе думцев. Князю не следует принимать во внимание только богатство и знатность, потому что и богатый человек может быть глупым («несмысленным»), подобно наволочке, набитой соломой, а бедный, напротив, «мудрым, подобно сосуду наполненному золотом»; нищий человек может быть скуден одеянием, но «обилён разумом»; не имеет значения и возраст, поскольку и в юном человеке возможен «стар смысл», делающий его способным «мыслию парить, аки орел по воздуху»¹¹. Даниил советует князю «не возне-

навидеть мудрого нища, не возносить до облак богатого несмысленного. Один мудрый может быть полезен граду (зд. в значении «государству» – Н.З., Т.В.) больше, чем десять обладателей богатства». Он обращает внимание князя на необходимость выбора думцев из числа достойных и мудрых людей, независимо от их социального положения и возраста, избегая лстивых и лукавых советников, чтобы они не причинили вреда самому князю, его стране и народу. Умные советники прославят князя не только в своей стране, но и других государствах, ибо «мудрыми боярами и многими верными слугами, князь чести и славы всем странам является»¹².

Нет никаких сомнений в том, что, будучи сторонником единодержавия, Даниил Заточник в данном случае предлагает некий прообраз сословно-представительной монархии, в которой князь ограничен в своей деятельности наличием Совета, названного мыслителем впервые в истории отечественной политической мысли Думой.

Таким образом, мы вполне можем заключить, что ни один из рассмотренных нами мыслителей раннего Средневековья не был сторонником сосредоточения в руках правителей всей безраздельной полноты власти. Напротив, все они выступали за ограничение прерогатив верховной власти, а главное – никак не связывали единовластие (к которому все они стремились) с полновластием главы государства.

Блестяще написанные в афористическом стиле, «Слово» и «Послание (Моление)», наполненные народными пословицами и поговорками, пережили время своего создания, перешагнув через века. Знакомство с Даниилом Заточником заметно в трудах Максима Грека, князя А. М. Курбского, Зиновия Отенского, но особенно И. С. Пересветова, который целый ряд политико-правовых вопросов, касающихся образа главы государства, организации формы правления, создания единого войска, подчинённого великому князю и др., предлагал решать сходным с предложенным Даниилом Заточником образом.

В Московском государстве также отсутствовали мыслители и писатели (за исключением царя Ивана IV), которые желали бы видеть сосредоточение всех властных полномочий в руках носителя верховной власти. Напротив, такой вариант считался недопустимым и даже назывался тираническим (Максим Грек, Иосиф Волоцкий, А. М. Курбский, И. С. Пересветов, Зиновий Отенский). Практически все известные нам мыслители и публицисты выступали противниками феодальной раздробленности, но никто из них не являлся сторонником «самоволия» властвующей персоны. Все они разрабатывали учения, содержащие различные «сдерж-

¹⁰ Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. – Ленинград: АН СССР, 1932. – С. 118.

¹¹ Там же. – С. 21–22; 55–56; 78–80.

¹² Там же. – С. 59, 80.

ки», препятствующие реализации «самоволия» и «самохотения» великого князя, а затем и царя. В это же время были приняты и правовые акты (Судебники 1497, 1550 и 1589 гг.), отражавшие эту тенденцию в законодательстве.

Авторитетной фигурой в Московском государстве XV–XVI вв. был настоятель Волоколамского монастыря и глава стяжательской партии **Иосиф Волоцкий** (1440–1515), отстаивавший право монастырей на владения собственностью в разнообразных её видах. Он был известен как активный разоблачитель еретиков, призывавший Московского великого князя Ивана III к жестокой расправе над ними. Мыслитель, оставивший солидное эпистолярное наследие, в дореволюционной литературе почти безоговорочно характеризовался в историографии как «провозвестник теории русского самодержавия». П. Николаевский видел в нём «строгую приверженца царской партии во всех спорных делах своего времени»¹³. А. Н. Пыпин называл Иосифа Волоцкого и его последователей-иосифлян «приверженцами великокняжеского и царского самодержавия»¹⁴. В. Соколовский уверен, что волоколамский игумен «рука об руку строил великое государство и самодержавие всея Руси совместно с Московскими царями»¹⁵, а М. Коваленский считает Иосифа Волоцкого «творцом Московского абсолютизма»¹⁶.

В советских исследованиях подобная точка зрения также получила распространение. И. У. Будовниц утверждал, что «политическая линия Иосифа Волоцкого направлена к укреплению самодержавия...» [1, с. 100; 2, с. 36]; В. С. Покровский не сомневался, что такой «трезвый и дальновидный политик» как Иосиф Санин (Волоцкий) ... в своих сочинениях развил стройную политическую теорию о самодержавной власти московских государей», согласно которой «московские цари являлись ничем не ограниченными владыками и правителями над

всеми удельными князьями, “вся русские земли государям государи”»¹⁷. Я. С. Лурье полагает, что «Иосиф (Волоцкий) превратился в начале XVI в. в апологета самодержавия...» [3, с. 288].

Но дело обстояло далеко не так просто. М. А. Дьяконов заметил, что «Иосиф Волоцкий, в виду неблагоприятных его отношений к великому князю Ивану III, подсказал ему такое революционное по существу учение, на основании которого можно было оправдать всякую оппозицию правительству: стоило только объявить политические меры враждебного правительства несогласными с нравственными началами и правоведем, а самого царя слугою дьявола» [4, с. 95]. В. Е. Вальденберг посчитал, что «Иосиф (Волоцкий) проводил идею ограничения царской власти в своем учении о тиране, которое составляет оригинальную и замечательную часть всей его политической системы» [5, с. 176]. Более того, он нашёл, что «учение Иосифа Волоцкого о пределах царской власти занимает совершенно особое место не только в отношении древнерусских учений, но и по сравнению с учениями западноевропейскими» [5, с. 183].

Такие серьезные разногласия в оценке политических взглядов Иосифа Волоцкого образовались в результате перемен во взаимоотношениях волоколамского игумена с великими князьями Иваном III и Василием III.

История жизни Иосифа Волоцкого складывалась неоднозначно, ибо в первую половину своей деятельности и творчества он находился в оппозиции Московскому великому князю Ивану III по двум серьёзным основаниям: во-первых, Иван III намеревался провести секуляризацию монастырских земель: «...у митрополитов и у всех владык, и всех монастырей села поимати и к своим соединити», компенсируя духовенство взамен утраченных вотчин хлебом и деньгами из царской казны [6, с. 355]. Во-вторых, Иван III не оказывал Иосифу Волоцкому достаточной помощи в изобличении и наказании еретиков; игумен даже пожаловался Андронниковскому архимандриту Митрофану, что «государь наш князь великий блюдеся греха еретиков казнити» [7, с. 177]. Такая его позиция не удовлетворяла Иосифа, выступавшего не только защитником экономически состоятельных монастырей, но и преследователем еретиков, советуя великому князю, «еретиков и отступников не только осуждать, но и проклинать следует, царям же, князьям и судьям подобает отправлять их в заточение и предавать лютым казням»¹⁸.

¹⁷ Покровский В. С. История русской политической мысли (конспект лекций). – Москва: Юридическая литература, 1951. – Вып. 1. – С. 75–76.

¹⁸ Преподобный Иосиф Волоцкий. Просветитель. – Москва: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1993. – С. 315.

¹³ Николаевский П. Русская проповедь XV–XVI в. // ЖМНП. – 1868. – Т. СХХVII. – С. 102; см. также: Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения. – Москва, 1881. – С. 91, 98; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его Послания. – Киев, 1901. – С. 514.

¹⁴ Пыпин А. Н. История русской литературы. – Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – Изд. 4. – Т. II. – С. 74.

¹⁵ Соколовский В. Д. Участие русского духовенства и монашества в развитии единодержавия и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI вв. – Харьков, 1902. – С. 131.

¹⁶ Коваленский М. Московская политическая литература. – Санкт-Петербург: кн-во типо-лит. «Энергия», 1914. – С. 8. В иностранной литературе тиражируется такая же точка зрения. См., например: Raeff M. An Early Theorist of Absolutism: Joseph of Volokolamsk // The American Slavic and East European Review. – Vol. 8. – № 2. – P. 77–89 (Раев считает Иосифа Волоцкого «последовательным сторонником «раннего абсолютизма»). Medlin W. K. Moscow and East Rome. Geneve, 1952. – P. 74 (Медлин видит в Волоколамском игумене «провозвестника русского самодержавия» и «имперско-религиозных традиций»).

Иосиф сформулировал собственную политическую концепцию: теоретически отделил понятие власти от её носителя – властвующей персоны. Источником власти традиционно объявлялась Божественная воля, ибо в Священном Писании сказано, что «нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены»¹⁹. Но далее рассуждения мыслителя принимают другое направление. Обращаясь к «Наставлению» дьякона Константинопольского Софийского собора Агапита (VI в.), он близко к тексту перефразирует главу 21: «По существу тела Государь равен всякому человеку, а по власти и сану, не имея никого выше себя, подобен Верховному Владыке Богу», поэтому он «не должен гневаться, и как смертный, не должен надмеваться, потому, что хотя он и почтен Божественным образом, но вместе [со всеми] обречен в персть, которая указывает ему равенство его с прочими»²⁰. Из естественного равенства правителя со всеми людьми Иосиф делает два вывода: во-первых, употребление им власти должно быть ограничено определёнными пределами; во-вторых, царь, как и любой человек, способен совершать ошибки, при том такие значительные, которые способны погубить не только его самого, но и всё его государство, ибо «за государское согрешение Бог всю землю казнит» [7, с. 176]. Поэтому в целях личной безопасности подданным не всегда следует повиноваться правителю. Власть неоспорима только в том случае, если властитель может личные страсти подчинить основной задаче употребления власти – обеспечению наибольшего количества благ наибольшему числу подданных. Если же он, будучи поставлен царём над людьми, над собой «имат царствующие страсти и грехи, сребролюбие и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех неверие и хулу, таковой царь не Божий слуга, но диавол» и ему можно «не токмо не покориться», но и оказать сопротивление, как это не раз делали апостолы и мученики, «иже от нечестивых царей убиены быша и повелению их не покорилися». Злочестивый царь, не заботящийся «о сущих под ним», «не царь есть, но мучитель»²¹.

Однако после Собора 1503 г., на котором объединёнными силами церковных иерархов секуляризационные планы великого князя Московского Ивана III в отношении монастырских

земель были провалены, ситуация изменилась. К тому же на Соборе 1504 г. неизлечимо больной великий князь дал согласие на смертные казни еретиков. В 1505 г. Иван III умирает, а его наследник Василий III уже прочно ориентируется на союз с Церковью, главенствующими в ней иосифлянскими иерархами и лично Иосифом Волоцким, который в 1507 г. переводит Волоколамский монастырь под патронат великого князя Московского²².

В 1507–1515 гг. перед Иосифом встает задача возвеличивания властвующей персоны, обоснования божественности не только самого принципа властвования, но и самого властителя как помазанника Бога. Однако и в этот период Иосиф не отрекается от положения Агапита о естественном равенстве правителя со всеми людьми, но теперь он в большей степени сосредотачивается на обосновании его божественного избранничества, сохраняя при этом в своем учении необходимость ограничения его действий божественными заповедями и положительными законами («царь в заповедях и законах ходяще») [8, с. 204].

Таким образом, Иосиф Волоцкий впервые в русской политической мысли открыл возможность критиковать личность и действия венценосной персоны. Логическое завершение этих положений порождало мысли об осуждении того или иного носителя верховной власти как царя-тирана, которому можно оказывать сопротивление²³. Современник Иосифа, автор трактата «Слово кратко», уточнил, что в случае необходимости такое сопротивление может быть выражено в самой крайней форме вплоть до пролития крови²⁴. Эти идеи получили развитие в «Повести о белом клобуке» [9, с. 217]. Постепенно повод, по которому были сформулированы положения о царе-мучителе, царе незаконном забылся, созданная же Иосифом теория, открывавшая возможность критиковать действия венценосной персоны и даже оказывать ей неповиновение вплоть до открытого сопротивления, сохранилась в истории политической мысли на долгие времена, включив в свое содержание отношение ко всем способам реализации верховной власти её носителями (а не только к преследованию еретиков), оцениваемым

¹⁹ «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога: существующие же власти от Бога установлены» (См.: Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 7 т. / под ред. А. П. Лопухина. – Изд. 4-е. – Москва: Дар, 2009. – Т. 7: Деяния; Соборные послания; Откровение Иоанна Богослова. – Пс. 13:1).

²⁰ Ушколова Э. Агапит. Наставление. – Гл. 21 [Электронный ресурс] // Pandia : сайт. – URL: <https://pandia.ru/text/78/328/11074.php> (дата обращения 10.08.2023).

²¹ Преподобный Иосиф Волоцкий. Просветитель. – Москва: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1993. – С. 189.

²² Волоколамский монастырь был построен на земле удельного князя Бориса Волоцкого и его иждивением.

²³ Плеханов Г. В. рассматривал слова Иосифа Волоцкого о сопротивлении законному властителю, не выполняющему возложенных на него Богом и людьми обязанностей, как «революционную поправку в существующее учение о верховной власти» (См.: Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. – Санкт-Петербург: Издание Петроградского Союза Рабочих Потребительских обществ, 1918. – Т. 1. – С. 141).

²⁴ Павлов А. Исторический очерк к секуляризации церковных земель в России. – Одесса: тип. Ульриха и Шульце, 1871. – Ч. 1. Попытки к обращению в собственность поземельных владений русской Церкви в XVI в. (1503–1580). – С. 61–62.

общественным мнением как несправедливые и не соответствующие Божественным предначертаниям.

Учитывая вышесказанное, вряд ли можно считать Иосифа Волоцкого борцом за «самодержавие» и приверженцем «теократического абсолютизма». Последователь Иосифа, бывший настоятелем Волоколамского монастыря, а затем митрополитом всея Руси Даниил, тоже придерживался идеи ограничения царской власти, считая царя связанным законом Божиим и положительными (государственными) законами. Если же царь выходит за пределы дозволенного ему, то подданные освобождаются от повиновения ему [10, с. 130–131; 5, с. 188].

Трудно согласиться и с приписыванием Псковскому старцу **Филофею** «самодержавно-центристской концепции», оказавшей влияние «на укрепление отечественного самодержавия» [11, с. 39–40]²⁵. Из заметки о Филофее, написанной неизвестным современником старца, следует, что он был образованным («премудрости словес знаем») и смелым человеком, поскольку неоднократно обращался со своими Посланиями к вельможам и великому князю, показав «много дерзновения к государю в молениях о людях, также и боярам о многой неправде и насиловании, не бояся смерти. Великий князь и вельможи, знающие его дерзость и заботу о настоящем времени, не смели ему никакого зла сделать» [12, с. 25; 13, с. 299].

Образ носителя верховной власти дан Филофеем в традициях отечественной политической мысли: глава государства заботлив и справедлив в отношении всех свои подвластных, врученных ему Богом. В его обязанности вменяется «утешение плачущих и вопиющих... избавление обидимых от рук обидящих», и наказание всех «содействующих неправду»; великий князь должен также проявлять заботу и о Церкви, особенно после того, как в результате падения Константинополя в 1453 г. в нём «изрушилось православие» и Москва стала единственным, последним его убежищем и хранительницей православной Церкви – «третьим Римом, державного твоего царствия святая и Соборная Апостольская Церкви иже ... во всей поднебесной паче солнце светится» [10, с. 50]. Василию III Филофей обещает Божественное покровительство только в том случае, если он будет исполнять возложенные на него обязанности, тогда Господь прославит его среди народов и окажет помощь в одолении врагов, ибо правителям «всегда по-доброму, строящим земное, дается

и небесное» [10, с. 55]. При невыполнении властителем своих обязанностей, его неизбежно постигнет суровая Божья кара: в его государстве может случиться землетрясение («трус»), или затопление («море потопа»), или «мор пожре», или оно [подвергнется] нахождению «безбожных людей» («супостатов») [10, с. 30–31, 50]. В. Е. Вальденберг справедливо заметил, что Филофей признаёт ограниченность царской власти законами и возложенными на нее Богом обязанностями. Однако тезис о возможности оказания неповиновения подданными легитимной власти (как у Иосифа Волоцкого) у псковского старца отсутствует. Нет оснований, – пишет В. Е. Вальденберг, – считать Филофея «проповедником идеи неограниченной царской власти» только потому, что он называет великого князя «самодержцем», «высокостолпнейшим», «вседержавным», поскольку только из факта пользования Филофеем этими словами «нельзя сделать решительно никакого вывода, какие понятия он ими обозначал, если только не решить заранее, что эти титулы служат у его современников именно для обозначения полноты власти и её неограниченности» [5, с. 222].

Вывод В. Е. Вальденберга о том, что Филофей в своём учении о верховной власти «приблизился к политическим идеям, господствующим в русской письменности», и его мысли «о Руси как третьем Риме» не внесли в русскую политическую литературу никаких новых идей о пределах царской власти, в частности, они не внесли в неё и понятия о её неограниченности» [5, с. 223], представляются вполне адекватными политическим воззрениям этого крупного отечественного религиозного философа.

Весьма противоречивой выглядит и оценка политического идеала (формы правления) дипломата, публициста и полиглата конца XV–XVI вв. Федора Карпова. В настоящее время существуют различные мнения о его политических взглядах, причем часто прямо противоположного содержания. Приверженцем традиционной точки зрения о «сильном, но справедливом самодержавии» его считали В. Г. Дружинин, В. Ф. Ржига, А. А. Зимин, Н. Ф. Медушевская и Г. Н. Уткин [11]²⁶. Напротив, Е. Н. Камеева полагает, что Федор Карпов «выступал против неограниченной власти самодержца» [14, с. 231]; Н. В. Синицина

²⁵ При этом авторы ссылаются не на тексты сочинений Филофея (вполне доступные в настоящее время), а на мнение А. В. Полубникова, что, по нашему мнению, в монографическом исследовании нежелательно (см.: Полубников А. В. Идеи монархической государственности. – Москва: Социально-политическая мысль, 2002. – С. 17).

²⁶ См.: Дружинин В. Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI-го века. – Санкт-Петербург: тип. М. А. Александрова, 1909. – Вып. 21. – С. 106–113; Ржига В. Ф. Боярин-западник XVI в. (Федор Карпов) // Учение записки РАНИОН. – Москва: РАНИОН, 1929. – Т. 4. – С. 45; Зимин А. А. Общественно-политические взгляды Ф. Карпова // ТОДРЛ. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1956. – Т. XII. – С. 164; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. – Москва: АН СССР, 1958. – С. 416; «По Федору Карпову самодержец должен править «грозою правды и закона», а не «грозою произвола» (См.: Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. – Москва: Мысль, 1972. – С. 348, 350).

видит в нём сторонника ограничения самодержавия²⁷. А. И. Клибанов даже предположил, что Ф. И. Карпов хотел бы видеть Россию «правовым государством» [15, с. 147]. Л. Е. Морозова уверенно высказалась о политическом идеале мыслителя как о «сословно-представительной монархии..., отвечающей интересам всех слоев населения России» [16, с. 238–239].

Мнение Л. Е. Морозовой поддержал современный исследователь Ю. Н. Ненашев, утверждающий, что Ф. И. Карпов «в описании идеальной власти... высказался в пользу предложения об ограничении верховной власти правителя системой государственных учреждений», сформированных «по принципу представительства». Он считает возможным отнести Ф. И. Карпова «к числу сторонников установления в Русском государстве сословно-представительной монархии» [17, с. 180].

В диссертации В. Э. Виталина форма правления, предпочитаемая Ф.И. Карповым, представлена весьма расплывчато. Автор видит его политический идеал в «идеальном самодержце»: образованном, милостивом и щедром, «управляющем по Заповедям Всевышнего и заботящемся о своих подданных». «В схеме, представленной Ф. И. Карповым» диссертант находит сходство со взглядами «Иосифа Волоцкого и митрополита Даниила»²⁸.

Сам же Ф. И. Карпов, разрабатывая свои представления о форме правления, опирался на труды античных мыслителей Платона, Аристотеля, Цицерона. Сравнивая идеалы этих мыслителей, он отдает предпочтение Римской республике, в которой, по мысли Цицерона, должны соединяться элементы монархии, аристократии и демократии. Наличие элементов всех трёх форм правления позволит получить устойчивый смешанный вариант, отвечающий интересам всех сословий общества²⁹. Ф. И. Карпов с многочисленными ссылками на Аристотеля и Цицерона доказывал, что «всякий город и всякое царство должны управляться начальниками, поэтому странам и народам нужны цари и начальники», которые совместно управляют «человеческим делом», т. е. государством. Для образного пояснения своих взглядов мыслитель приводит в качестве примера игру гусляра на гуслях: песнопевец Давид перебирает струны перстами, извлекая из гуслей приятные гармоничные звуки. Ф. Карпов, сравнивая игру

гусляра на гуслях с «царями и начальниками», хочет показать, что они представляют своей совместной деятельностью «подобие» образа «гуслей музыканта Давида»³⁰. Данное сравнение свидетельствует о необходимости коллегиального решения всех дел в государстве, восходя к мыслителю конца XII – начала XIII вв. Даниилу Заточнику, также обратившему к этому библейскому примеру, доказывая с его помощью необходимость управления страной великим князем не единолично, а совместно с Думой (как гусляр с гуслями)³¹.

Федор Карпов был современником, другом и единомышленником крупного политического мыслителя и религиозного писателя XVI в. **Максима Грека**. Этот известный философ, филолог, полиглот и богослов был приглашен великим князем Василием III в Россию для перевода Толковой Псалтири и других вероучительных книг, а также исправления ошибок в уже переведенной ранее на Руси богословской литературе³².

³⁰ Карпов Ф. И. Послание митрополиту Даниилу // Памятники литературы Древней Руси XV–XVI вв. – Москва: Художественная литература, 1984. – С. 513.

³¹ См.: Первая книга Царств. – Пс. 16:23; 18:10 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. – URL : <http://www.patriarchia.ru/bible/king1/16/> (дата обращения: 20.08.2023); См. также: Карпов Ф. И. Указ. соч. – С. 513.

³² Максим Триволис (1470–1497), прозванный в России Греком, происходил из знатной семьи, принадлежащей к роду Триволисов, восходящему к последней правящей династии Палеологов. Он родился в греческой провинции Албании (г. Арта), в знатной и состоятельной семье. Получил классическое греческое образование, продолжив его в Италии, слушая лекции знаменитых профессоров Болоньи и Ферраре. Во время пребывания во Флоренции в 1494 г. был свидетелем свержения правителя Пьеро Медичи, обвиненного в тирании, и объявления Флоренции республикой. Вскоре покинул Италию и постригся по православному обряду в Ватопедском монастыре на Афонской Горе. В 1515 г. великий князь Василий III обратился к главному проту Афонских монастырей с просьбой пригласить его «переводчика книжного», владеющего греческим и латинским языками. Просьба Василия III была удовлетворена, и в 1518 г. афонский монах Максим Грек оказался в Москве. К этому времени он был известен на Афоне как филолог, переписчик, переводчик текстов, знаток древних языков, писатель и книгоиздатель. Первые годы жизни Максима Грека в Москве были отмечены творческими успехами и хорошим отношением к нему великого князя Василия III. Однако в 1525 г. Максим Грек был обвинен в шпионаже в пользу Турции, еретичестве и волшебстве, был дважды судим Соборными судами и признан виновным. По первому приговору в 1525 г. его приговорили к бессрочному содержанию в Волоколамском монастыре под строгим надзором в одиночной келье, где он едва не умер «от мраза, голода и дыма». Второй Соборный суд в 1531 г. приговорил к его обвинениям нестяжательские взгляды. К этому времени великий князь Василий III полностью отошел от нестяжателей (взгляды которых разделял Максим Грек), переориентировавшись на союз с иосифлянами. Однако благодаря стараниям образованного игумена Тверского Отрочь монастыря Акакия, положение Максима Грека изменилось: его перевели в Тверской Отрочь монастырь под надзор Акакия, по распоряжению которого ему была предоставлена отдельная светлая келья, перо, бумага и даже переписчики, но «затвор» с него снят не был. В этот период мыслителем были написаны многие его произведения. Освобожден афонский философ был Иваном IV по настоятельному ходатайству митрополита Макария. С него были сняты все обвинения и последние годы своей жизни он до-

²⁷ Синицина Н. В. Федор Иванович Карпов – дипломат, публицист XVI века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва : АН СССР. Ин-т истории, 1966. – С. 5.

²⁸ Витлин В. Э. Концепция великокняжеской власти в русской публицистике первой трети XVI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Санкт-Петербург : С.-Петербург. гос. ун-т, 2017. – С. 19.

²⁹ Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах : [Пер. с лат.] / Изд. подгот. И. Н. Веселовский [и др.]. – Москва: Наука, 1966. – С. 32.

Свой политический идеал, т. е. наилучшую, с его точки зрения, форму правления вообще, а для России особенно, Максим Грек рассматривал в нескольких написанных в разное время работах, практически не изменяя своих взглядов. Почти сразу же по приезде в Москву в ответ на просьбу великого князя Василия III написал ему «Послание об афонских монастырях» (1518/19 гг.), в котором подробно рассмотрел организацию власти и управления во всей совокупности монастырей Афонской Горы. Н. В. Синицина полагает, что все сведения, содержащиеся в этом Послании, касаются только устройства монастырей Афонской горы и не могут восприниматься в другой среде [18, с. 52]. Нам представляется, что Максим Грек в этом Послании подробно представил свои взгляды на принципы организации властвования и управления в человеческом обществе, независимо от того о какой организации общества (духовной или светской) ведется речь³³. Приём, предусматривающий изложение идей применительно, казалось бы, только к монастырской среде, весьма часто предоставлял писателям возможность выразить свои взгляды по насущным политико-правовым проблемам, используя религиозно ориентированный материал, легко воспринимаемый широким кругом читателей. Максим Грек, подробно проанализировавший систему взаимодействия центральной и местных властей всех монастырей Святой Горы, явно предлагал своему адресату – великому князю Василию III – достойный

живал в Троице-Сергиевом монастыре, где и умер в 1556 г. В 1988 г. Максим Грек был причислен «к лику святых угодников Божиих для всероссийского церковного почитания» [Игумен Андронник (Трубачев)].

³³ Во главе всего конгломерата монастырей стоит возглавляющий его главный прот, избираемый сроком на один или два года выборными представителями от всех монастырей. При нем имеется Совет – Главный протат, состоящий из игуменов всех монастырей, совместно с которым главный прот решает все текущие дела. При решении более сложных дел собирается расширенный Совет, на который приглашаются почетные и мудрые старцы из всех монастырей. Если же и в таком составе не удаётся найти решение, тогда главный прот излагает письменно спорный вопрос, и этот документ рассылается по всем афонским монастырям для более широкого обсуждения. При отсутствии положительного решения, главный прот выбирает двух весьма образованных и достойных монахов и направляет их в город для совета со светскими властями. При получении от них ответа, опять собирается Главный протат, а в особо важных случаях Большой собор, на котором простым голосованием принимается окончательное решение. Подобным образом управляется и каждый из монастырей, расположенных на Афонской горе. За соблюдением Устава Святой Горы (т. е. законов, которыми регламентируются все порядки её существования) следят особые генералы, выбранные на Соборе всей Святой Горы. При обнаружении фактов отступления от Устава игуменами отдельных монастырей, их немедленно отстраняют, а на их место избираются другие. Подобная организация обеспечивает Афонской Горе стабильность и долговечность, и, поскольку здесь существуют справедливые порядки, ей покровительствует Богородица (См.: Преподобный Максим Грек. Сочинения: в 2 т. – Москва: Индрик, 2008. – Т. 1. – С. 119–132).

пример организации светской государственной власти в центре и на местах. Подобным приёмом пользовался митрополит Киевский Иларион³⁴ и Зиновий Отенский, которые своё представление о лучшей форме правления для России также выводили из сравнения с главным религиозным догматом христианства – Троицей³⁵.

Несколькими годами позже (ок. 1521–1522) Максим Грек в «Послании Московскому великому князю Василию III о нашествии крымского хана Мухаммед-Гирея» повторил эти же мысли, но уже прямо по отношению к своему адресату. Послание начинается с восхваления Василия III, который никогда и ничего не начинает без «совета... времени предстоящего и [на] самех высотах учиненного». В этом совете полезными бывают не только «начальствующие», но «и худейшие», которые тоже от Бога «дарования приемлют» и «начальствующим слово мудро и светла разумен покажут». Завершается Послание повторением этой мысли, с надеждой «на благо разумную мудрость» адресата, которому следует услышать «всех, могущих советовать, что полезно обществу и времени предстоящее, [и] избира[ть] же благо разумно пользующаа, аще и от худейших будет реченнаа»; причём о «начальствующих» он в этом Послании не вспоминает, но не забывает ещё раз напомнить Василию III о пользе советов «от худейших реченнаа»³⁶.

«Послание Московскому великому князю о переводе Толковой Псалтири» Максим Грек начинает с похвалы действующему правителю за соблюдение в государстве «симфонии священства и царства» «по великому в царях Юстиниану». Затем следует риторический вопрос, составленный также в хвалебных тонах: «В сиглитцких (синклитских) советах царских и управлениях вселетних яже от подвластных, и в урядех воинственных кто убо от нынешних или древле бывших [правителей] обрящется о таковых разсмотреть лучше Василия Ивановича, великого и преславного князя всеа Руссии?» Ответ уже содержится в самом вопросе – наличие «советования великого князя» [Василия III] «с подвластными его» и регулярность, собираемого им «синклита царского», «вселетнего» – ежегодного, а может быть даже и по-

³⁴ Витлин В. Э. Указ. соч. – С. 19.

³⁵ Зиновий Отенский. Истинны показание к вопрошившим о новом учении. – Казань : Унив. тип., 1863. – С. 134–136.

³⁶ Преподобный Максим Грек. Сочинения: в 2 т. – Москва: Индрик, 2008. – Т. 1. – С. 145–150. Василия III современники обвиняли в том, что он «у постели сам третьей» решает все дела, не советуясь с Боярской думой. Слова эти приписываются боярину Берсеню-Беклемишеву, якобы сказанные им в келье у Максима Грека в Чудовом монастыре. Вполне возможно, что именно поэтому Максим Грек превозносит якобы имеющийся при Василии III синклит с тем, чтобы сподвигнуть его на «советование» со своими «синклитскими советами царскими».

стоянного (на каждый день)³⁷, с участием «пресвященного господина Варлаама митрополита всеа Русии»³⁸. При таких порядках «... благочестие чисто с правдой и благозаконием сияет, яко и исполнятся при вас известне реченное блаженным Давидом: “Яко истинна от земля всиа и правда с небес приниче, тем же и Господь даст благодсть, и земля ваша даст плод свой, и правда ваша пред вами предидет и положит стопы ваша в путь, ведущии к горним”»³⁹.

В «Главах поучительных начальствующим правоверно»⁴⁰ изложены пожелания, касающиеся подбора советников. Максим Грек просит царя взять «дивна советника доброхотна твоему царствию», а не такого, который «чрез правду на рати и воевания вооружает тя, но иже советует тебе мир и примирение любити всегда со всеми окрестными соседу богохраняемая ти державы», потому что «мужа крови и лъсти (лести) гнушется Господь», т. к. необходимо даже «с ненавидящими мира быть мирными»⁴¹.

Поскольку мыслитель убежден в том, что «царев ум» требует «многаго убо трезвения» для того, чтобы «богоугодно правити врученное ему царство»⁴², то правителю советуется «...всех глаголющих развратная или советующих отнюдь отсылати и отгнати царские свободные мысли и беседы своя», ибо они «тлят (растлевают) бо обычаев добрых беседы злых

и сопребывание [с ними]»⁴³. Правитель должен «... съпребывати и събеседовати с благим и правым мужем, [который] обильно осияет и вразумляет мысли наша», тогда как ложные советники всё «омрачают и извращают до конца», что всегда бывает «в обычае в беседах (со) злыми съпребывающе»⁴⁴.

В «Слове пространем»⁴⁵ Максим Грек утверждает, что многие замеченные им настроения «правящих ныне... и многие их жестокости» происходят потому, что они «мало общепольное советование принимают [от] доброхотных их»⁴⁶.

Наконец, в небольшом произведении «О веледушии и совете», написанном уже в последние годы жизни, Максим Грек высказал эти же мысли, прибегнув к распространенному тогда в литературе обращению к бестиарию. «Всех птиц славнейший орел есть тем, еже силою мною своих крил на высоту провелею взиматися, всех же на земли владеющих нарочит царь, иже советники благохитренными и воеводами крепкодушными правит всегда скипетры царствия своего и с ними противу супостатов своих ополчается»⁴⁷. Под крыльями орла подразумеваются советники царя, под орлом – сам царь, который не в состоянии подняться на высоту без помощи своих крыльев.

Политический словарь, который использует Максим Грек, не оставляет сомнений о приверженности его к сословно-представительной монархии. Им были перечислены все социальные группы общества: «светлейшие князи и бояре», «воеводы и воинство», «чиноначальники» и, наконец, «худейшие люди», наделенные Богом разумом, от которых правители тоже могут получать полезные советы. Благоразумными советами, а также законами (Божественными и положительными), по мысли философа, должна быть ограничена праведная верховная власть.

Н. А. Казакова считает, что совещательное начало в организации верховной власти подчеркнуто во всех сочинениях Максима Грека, а в «Послании великому князю и царю Ивану Васильевичу» дан «трезвый политический призыв соблюдать интересы основных феодальных сословий Русского государства: духовенства, боярства и дворянства (“воинников”» [19, с. 157]. Добавим, что не забыты афонским философом и «нищестствующие», «худейшие» люди⁴⁸. Соглашаясь с предложением Н. А. Казаковой о том, что «...с именем Максима Грека следует связы-

³⁷ Вселетний – ежегодный (СРЯ. Вып. 3. – С. 123 [Электронный ресурс] // Федеральная электронная библиотека : сайт. – URL : <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/03/sl414301.htm>) (дата обращения: 30.08.2023); Вселетний – постоянный (Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. – Санкт-Петербург : издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890–1912. – Т. I. – Стб. 469).

³⁸ Преподобный Максим Грек. Сочинения : в 2 т. – Москва: Индрик, 2008. – Т. I. – С. 152, 153.

³⁹ Здесь Максим Грек почти дословно ссылается на Пс. 84:12-14: «Истина от земли возсия и правда с небес притече: яко Господь даст благодсть, и земля наша даст плод свой. Правда перед ним преидет и положит в путь стопы своя» (Новый Завет на славянорусском языке. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1885 [Электронный ресурс] // Русский библиофил : сайт. – URL : https://www.rusbibliophile.ru/bookprint/?book=Novyj_Zavet_Gospoda_nash) (дата обращения: 20.08.2023).

⁴⁰ «Того же инока Максима Грека главы поучительны к начальствующим правоверно» (Синицына Н. В. Преподобный Максим Грек Сочинения: в 2 т. – Москва: Рукописные памятники древней Руси, 2014. – Т. 2. – С. 255–263). Это произведение, написано Максимом Греком после Соборного суда 1531 г., когда он находился в Тверском-Отрочь монастыре, приблизительно в период 1547–1548 гг. (См.: Синицына Н. В. Максим Грек в России. – Москва: Наука, 1977. – С. 156.

⁴¹ Синицына Н. В. Преподобный Максим Грек. Сочинения: в 2 т. – Москва: Рукописные памятники древней Руси, 2014. – Т. 2. – С. 255. См. также: «Аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте»; «... мужа кровей и лъстива гнушется Господь» : Пс. 12:18 (Толкования на Апостола Павла послание к римлянам [Электронный ресурс] // Азбука веры : сайт. – URL : <https://azбука.ru/biblia/in/?Rom.12:18&t>) (дата обращения: 20.08.2023).

⁴² Преподобный Максим Грек. Сочинения: в 2 т. – Москва: Рукописные памятники древней Руси, 2014. – Т. 2. – С. 256.

⁴³ Там же. – С. 256–257.

⁴⁴ Там же. – С. 257.

⁴⁵ Там же. – С. 267–271.

⁴⁶ Там же. – С. 264.

⁴⁷ Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. – Казань: Тип. губернского правления, 1862. – Ч. III. – С. 237–238.

⁴⁸ Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. – Казань: Тип. губ. правления, 1860. – Ч. II. – С. 349.

вать генезис в русской политической мысли XVI в. идеи сословно-представительной монархии», мы, однако, возражаем против её утверждения, что «в высказываниях писателя она (эта идея) не приобрела ещё чёткой и определённой формы» [19, с. 158]. Нам представляется, что в условиях времени и трагичности личной судьбы афонского старца он высказывался во всех своих произведениях вполне определенно.

Максим Грек понимал, что республиканская форма правления не может быть воспринята в современной ему России. Поэтому он предлагал российским правителям политический идеал, сочетающий монархию с расширенным советом, состоящим из представителей различных сословий, что соответствовало тенденции развития российской государственности в XVI в. Многие его соображения, как критические, так и позитивные, получили реальное воплощение в правовых актах – Судебнике 1550 г., Царском приговоре о кормлениях и службе (1556 г.), Приговоре о губных делах (1556 г.) и Судебнике 1589 г.).

Однако до настоящего времени в историографии Максима Грека нередко встречаются его характеристики как сторонника «самодержавия», причём этот термин неизменно понимается в значении абсолютной монархии.

По мнению В. Э. Витлина, идеалом Максима Грека является «благочестивый, воспитанный, образованный и милостивый самодержец», имеющий представление о «необходимости создания сословно-представительной монархии, органически вписанной в систему управления единого православного Царства во главе с великим князем Московским»⁴⁹. Остается необъяснённым, что за форма правления образовывается от «вписания» самодержца (выделено нами – Н. З., Т. В.) в сословно-представительную монархию?

М. Н. Шевченко характеризует Максима Грека как сторонника «самодержавия, моделирующего образ самодержца» [20, с. 58, 59, 60]. Н. В. Комова пытается доказать, что в России на рубеже XV–XVI вв. «царская власть именуется верховной, потому что является властью наиглавнейших, окончательных, чрезвычайных и крайних решений в области управления государством, властью учредительной, основополагающей и преобразующей». Эта власть представляет «верховную власть самодержца», является «универсальной властью в государстве, единственно хранящей в себе все функции государства – как исполнительную, законодательную, так и судебную в полном их объёме» [21, с. 28–29]. Такую власть автор называет «православной монархией», которую защищали все мыслители XVI в., в том числе Максим Грек [21, с. 30].

В историографии Максима Грека получила распространение и приписываемая ему в качестве политического идеала «теократическая монархия» [22, с. 122]. Между тем мыслитель ни в одной из своих работ не формулировал ни теорию о превосходстве священства над царством, ни «теократическую власть» великого князя, а затем и царя Московского государства. Вряд ли вообще кто-либо из средневековых людей мог бы представить в качестве идеальной формы правления «абсолютную теократическую монархию», «теократическое самодержавие», «теократический абсолютизм» и т. п. В Средние века термин «теократия» (образованный от: др.-греч. θεός – Бог + κράτος – власть) применялся исключительно для обозначения власти Бога в созданной им Вселенной, в которой только Он один властвует и управляет. Средневековые люди не могли и помыслить о возможности переноса значения слова «теократия» из богословско-философской сферы в политическую.

На князя **А. М. Курбского** долгое время навешивался ярлык аристократического сторонника феодальной раздробленности с правом феодального отъезда⁵⁰, давно не применяемый и устаревший, но препятствующий объективной оценке его политических взглядов. Для историков-юристов политический идеал князя А. М. Курбского представляет несомненный интерес не только потому, что им было дано первое открытое разоблачение опричнины царя Ивана Грозного, но и потому, что им был сформулирован самостоятельный политико-правовой идеал. Прославленный воевода, одержавший не одну победу над вражескими войсками, выступил с программой, оппозиционной существующему политическому режиму, высказав свои взгляды, как критические, так и позитивные. Форма изложения у него, как и у всех его современников, соответствует средневековым религиозно-философским канонам. Князь А. М. Курбский был человеком глубоко религиозным, исповедовавшим православную религию; он был хорошо образован, владел древнегреческим и латинскими языками, читал труды

⁵⁰ См.: Покровский В. С. История русской политической мысли (конспект лекций): в 4 т. – Москва: Юридическая литература, 1951. – Т. 1. – Гл. II. – § 8. «Идеология реакционного боярства в произведениях Курбского». – С. 84–87; «Идеологом боярства» называет А. М. Курбского И. У. Будовниц (См.: Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1947. – С. 249; Я. С. Лурье характеризует князя А. М. Курбского как «последовательного идеолога феодальной знати XVI в.», выражавшего «в борьбе дворянства с боярством» интересы боярства; но при этом, добавлено, что он «одобря(л) деятельность Избранной рады», занимавшей, как известно, совсем не боярскую позицию; (Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1960. – С. 28, 104, 447; Ю. В. Сальников полагает даже, что в истории политических учений А. М. Курбский «завершает собой ряд наиболее крупных политических идеологов-реакционеров XVI в.» (История политических учений. – Москва: Высшая школа, 1965. – Гл. 6. – § 2. – С. 124.

⁴⁹ Витлин В. Э. Указ. соч. – С. 19–20.

Платона, Аристотеля, Цицерона и других античных философов, а также Отцов церкви: Василия Великого, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина и др., переводил их на русский язык и даже написал комментарии к ним для облегчения понимания текстов источников его соотечественниками [23, с. 48 (прим. 25), 63, 89, 114].

Понятие власти, источника её происхождения, сущности и назначения построены у А. М. Курбского в соответствии со средневековыми религиозными воззрениями: источником власти в государстве является воля Бога – Творца Вселенной, «цари и князи от Всевышнего помазуются на правление... Державные призванные на власть от Бога поставлены». Назначение власти заключается в справедливом и милосердном управлении всей державой (государством) и людьми, врученными Богом правителю. Вершине правого суда (мыслитель) Курбский считал первейшей задачей носителя верховной власти. Будучи знаком со смешанными политическими идеалами Аристотеля и Цицерона, он полагал, что для России наилучшей формой правления должна быть сословно-представительная монархия. «Царь же аще почтен царством, а дарований... от Бога не получил (намек на Ивана IV – Н. З., Т. В.), должен искать доброго и полезного совета не токмо у своих советников, но и у *всенародных* человек (курсив – А. М. Курбского), понеже дар духа даётся не по богатству внешнему и по силе царства, но по правости душевной; ибо не зрит Бог на могущество и гордость, но на правоту сердечную, и дает дары, сиречь елико хто вместит добрым произволением». Весьма похоже на аргументы Максима Грека, приводимые в обоснование необходимости приглашения в царский синклит «худейших» людей». А. М. Курбский хвалил великого князя Московского Ивана III за его «любосоветность», поскольку он «воистину многого совета [держал] с мудрые и мужественные синклиты его; и ничего же [не] починал без глубочайшего и многого совета». Своих советников он «любил как свою душу», даже и такого, который «сопротив стал»⁵¹. Из всех этих рассуждений очевидно, что высокородный князь А. М. Курбский понимал тенденцию развития отечественной государственности и стремился ей содействовать, помогая правительству (Избранной раде) в осуществлении проводимых реформ. Одобрение А. М. Курбским реформаторской деятельности Избранной рады отмечали Л. В. Черепнин [24, с. 180–181], А. А. Зимин и А. Л. Хорошкевич [25, с. 69].

Близок к взглядам А. М. Курбского политический идеал **И. С. Пересветова**, изложен

⁵¹ Курбский А. М. История о великом князе Московском: (извлечено из «Сочинений князя Курбского»). – Санкт-Петербург: Императорская Археологическая комиссия (Тип. М. А. Александрова). – 1913. – Стб. 54, 55, 56. – 108 с.

ный в Челобитных на имя царя Ивана Грозного. И. С. Пересветов выбрал метод противопоставления двух царств: Византии при правлении царя Константина и Османской империи (Турции), возглавляемой «Магмет-салтаном» (Мехмедом II). Организация формы правления у византийского царя представлена в отрицательном варианте, поскольку она привела его страну к военному поражению от Османской империи и прекращению суверенного существования. Напротив, форма правления и её реализация турецким султаном характеризуются как положительные, т. к. обеспечили процветание и стабильность внутренней жизни в государстве и значительные военные успехи во внешней сфере его деятельности.

При турецком султানে действовала постоянная Верная дума, в состав которой входили представители основных сословий турецкого общества: паши – крупные военачальники; сеиты – потомки пророка Мухаммеда, представители турецкого высшего общества, абызы – учёные толкователи Корана, молны (по-видимому, муллы) – служители культа ислама и шариатские судьи. При разрешении серьезных государственных дел «Магмет салтан» всегда совещался со своей Верной думой, неукоснительно выполняя все совместно принятые решения, причём не только в мирной жизни, но и в чрезвычайных условиях. Например, на поле боя, при необходимости срочного обсуждения какого-либо вопроса, султан немедленно собирал свою Верную думу и «по три дня, не спав, совещался с ней», и они совместно принимали необходимое в данной ситуации решение [26, с. 136].

Будучи сам мудрым (книжным) человеком, султан, задумывая проведение реформ в стране, согласовывал их «со своими пашами и сеитами», а в необходимых случаях советовался и с абызами – учёными толкователями Корана. Однажды он прочёл греческие духовные книги, которые турки захватили при завоевании Константинополя, найдя в них много полезного для себя и своей страны. Под впечатлением от чтения Священных книг султан задумал переменить свою веру на христианскую, решив, что если прибавить «к той истинной вере христианской... правду турецкую, ино бы с нами ангелы беседовали», а он бы стал «Самому Богу угодником» [26, с. 161]. Но совершить такой серьёзный поступок без совета со своей Верной думой султан не отважился. Однако Дума возразила против подобного намерения главы мусульманского государства, в котором все его подданные верны Аллаху, и своими советами султана «с пути истинного совратила», хотя он в душе своей «до скончания века Бога в сердце держал и веры христианской из мысли не выпустил», но поступил так, как посоветовала ему Верная дума.

Позиция мыслителя, хотя и представленная в виде аллегории, изложена бесспорно, тем

не менее в дореволюционной историографии И. С. Пересветов характеризуется как «сторонник самодержавия» или даже «деспотической монархии» [27, с. 286]. М. Н. Сперанский назвал его «абсолютистом, сторонником сильной и неограниченной монархии»⁵². На советскую историографию оценка политического идеала И. С. Пересветова в дореволюционной историографии оказала серьезное влияние.

В 1958 г. А. А. Зимин написал солидное монографическое исследование, основанное на всех известных текстах И. С. Пересветова, придя к выводу, что его политическим идеалом является «централизованная дворянская монархия», в которой «представление о государе соответствует в какой-то мере положению главы сословно-представительной монархии, в которой решающее место занимает дворянство» [28, с. 349]. С такой оценкой политического идеала И. С. Пересветова согласился Л. В. Черепнин, находя, что модель, описываемая мыслителем, близка к сословно-представительной монархии и соответствовала современным ему политическим реалиям, сложившимся в Русском государстве в середине XVI века [29, с. 96]. Однако в дальнейшем мнения А. А. Зимина и Л. В. Черепнина не были приняты во внимание, и в большинстве советских и современных работ сохранялась оценка политического идеала И. С. Пересветова как «неограниченного самодержавия»⁵³, «грозного самодержавия» [30, с. 166], «истинного христианского самодержавия» [31, с. 697].

В. В. Кусков предполагает, что И. С. Пересветов «свой политический идеал воплощает в грозном самодержавном и мудром владыке Магмет-Салтане». Более того, ученый усматривает «в памфлете» (Большой Челобитной) Пересветова «предвосхищение опричнины»⁵⁴. Это мнение поддержал П. П. Баранов, посчитавший, что «предложения И. С. Пересветова поддерживали проводимую Иваном IV политику» [32, с. 25]. С. В. Перевезенцев допустил совмещение политического идеала И. С. Пересветова «с теми идеями, которые выдвигал Иван Грозный» – «грозный, мудрый, самодержавный царь» [33, с. 287]. Подобное мнение было высказано и А. Л. Саккетти, выразившим уверенность в том, что И. С. Пересветов не решился бы обратиться к царю Ивану Грозному со своими проектами, «если бы не был твердо уверен в согласии царя с его точкой зрения» [34, с. 117].

В настоящее время мы наблюдаем сохранение старой схемы, согласно которой «идеология централизованного государства переросла в идеологию строительства самодержавной по сути своей абсолютной монархии... самыми заметными памятниками» которой названы: «Сказание о Дракуле и сочинения Ивана Пересветова», причём Пересветов, – как утверждает Н. А. Шилов, – проводил эту идеологию в своих произведениях «с присущим ему игнорированием моральных норм, близкому к макиавеллизму»⁵⁵.

Р. Т. Мухаев уверен, что предложенные И. С. Пересветовым реформы были «направлены на укрепление самодержавной власти русского царя»⁵⁶.

Н. Ф. Медушевская и Г. Н. Уткин утверждают, что И. С. Пересветов являлся «сторонником абсолютной самодержавной власти. В отличие от многих своих современников, которые отдают предпочтение государственному строю с элементами представительства, И. С. Пересветов является решительным и бескомпромиссным противником любого представительства» [11, с. 43].

А. А. Васильев доказывает, что «Большая Челобитная И. С. Пересветова... является апологией самодержавия», добавляя при этом, что «сочинения Ивана Пересветова [являются] трудами Ивана Грозного и его политических советников» (имена советников не названы)⁵⁷. Концепт не блещет новизной и не подкреплён никакими новыми фактами, неизвестными ранее науке⁵⁸.

Однако все эти оценки не находят подтверждения в сочинениях И. С. Пересветова, опубликованных А. А. Зиминим еще в 1956 г.⁵⁹, из текстов которых совершенно очевидно, что И. С. Пересветов, во-первых, считает, что при правителе должен быть создан постоянный советный орган – Верная дума, состоящий из представителей раз-

⁵⁵ Шилов Н. А. Идеология централизации Московского государства XV–XVI вв.: по материалам литературных памятников : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва: Моск. гуманитар. ун-т, 2014. – С. 25.

⁵⁶ Мухаев Р. Т. История политических учений. – Москва: Приор, 2004. – С. 539.

⁵⁷ История правовых учений России: учебник / колл. авт.; под ред. В. В. Сорокина и А. А. Васильева. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – Т. I. – X–XVII вв. – С. 198.

⁵⁸ В 2002 г. известный советский и российский историк Даниил Альшиц под псевдонимом Д. Аль утверждал, что «Пересветов – литературный псевдоним автора Большой челобитной – царя Ивана Васильевича. Присвоение авторского имени Пересветов всему комплексу названных (приписываемых ему) сочинений – заслуга учёных-исследователей» (Аль Даниил. Писатель Иван Пересветов и царь Иван Грозный. – Санкт-Петербург: Блиц, 2002. – С. 127). Однако эта точка зрения является дискуссионной и общего одобрения в научной литературе, за отсутствием достоверных доказательств, не получила.

⁵⁹ Сочинения И. Пересветова / подготовил текст А. А. Зимин; под редакцией Д. С. Лихачева. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1956. Никаких новых списков, отличных по содержанию от опубликованных А. А. Зиминим, более не издавалось.

⁵² Сперанский М. Н. История древней русской литературы. Московский период. – Москва: Издание М. и С. Сабашниковых, 1921. – С. 153.

⁵³ История политических и правовых учений / [Н. М. Азаркин, В. Г. Графский, П. С. Грацианский и др.]; отв. ред. В. С. Нерсисянц. – Москва: Юридическая литература, 1988. – С. 161.

⁵⁴ Кусков В. В. История древнерусской литературы. – Москва: Высшая школа, 2003. – С. 208, 209.

личных сословных групп общества, а, во-вторых, категорически возражает против произвольных и противозаконных поступков носителя верховной власти (в данном случае Ивана IV): «Аще ли властитель еси, – пишет И. С. Пересветов, – явно обращаясь к главе государства, – не насилуй и не лихоимствуй, но егда приключится власть [применить], покажи правая. Аще ли емляй у иных, убогим даешь, лутчи есть не грабити чюжих, ни милостыни творити... ибо лихоимства Бог не приемлет, несть бо милостыни от лихоимства, ни от клятвы благословение придет, ни от слез веселие» [26, с. 69]. Не содержится ли в этих словах осуждение опричнины? Слишком уж прямое обращение к властителю с требованием «не насиловать, не лихоимствовать и не грабить чужих имений». Вряд ли в этих словах можно усмотреть её оправдание.

Дальнейшая судьба И.С. Пересветова неизвестна, но возможно допустить, что он дожил до опричнины и в реализации опричных мероприятий увидел насилие, лихоимство и грабеж, инспирируемые царем Иваном Грозным, которые столь категорически осудил.

Современником плеяды всех этих выдающихся мыслителей был и **Зиновий Отенский**. По всей видимости, Максим Грек, Федор Карпов, А. М. Курбский, И. С. Пересветов и Зиновий Отенский общались между собой. Сохранилась переписка между Максимом Греком и Федором Карповым. А. М. Курбский и И. С. Пересветов могли быть связаны участием в военных реформах, проводимых Избранной радой. И. С. Пересветов и Максим Грек, критикуя издоимство судей, ссылались почти дословно на один и тот же пример корыстного поведения судей и судебных работников [26, с. 179]⁶⁰. Зиновий Отенский был монахом Чудова монастыря в то время, когда там жил Максим Грек⁶¹. Кроме того, почти все они были связаны через митрополита Макария, поскольку многие из них были участниками создания знаменитого макарьевского свода ВМЧ⁶². Во всяком случае, очевидным является их единомыслие, выраженное в творческих трудах.

⁶⁰ Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. – Казань: Тип. губ. правления, 1860. – Ч. II. – С. 199–200.

⁶¹ Вскоре после поселения Максима Грека в Чудовом монастыре при нем образовался кружок московских книжников. К ним относят В. М. Тучкова-Морозова, А. М. Курбского, митрополита Макария, священника Благовещенского собора Московского Кремля Сильвестра, Федора Карпова и Вассиана Патрикеева. А. И. Иванов добавляет к этому списку еще Ермолая-Еразма и И. С. Пересветова (см.: Иванов А. И. Максим Грек как ученый на фоне современной ему русской образованности // Богословские труды – 1976. – Вып. 16. – С. 157–158). Среди них вполне мог оказаться и Зиновий.

⁶² А. В. Каравашкин сообщает, что Зиновий Отенский «в числе известных книжников, богословов и агиографов» был привлечен к созданию макарьевского «универсального свода... Великих Миней Четых» (см.: Каравашкин А. В. Литературный обычай Древней Руси. – Москва: Росспэн, 2011. – С. 411.)

О Зиновии сохранилось мало сведений. Неизвестны дата его рождения и социальный статус. В далёком маленьком монастыре, расположенном на севере Новгородской области, он оказался недобровольно. Исследователи высказывали предположение, что Зиновий был сослан в Отенский монастырь за близость с Максимом Греком во время пребывания афонского философа в Чудовом монастыре. Но истинная причина, по которой высокообразованный монах Зиновий, который ранее «обретался в московских странах» и учился там «у учёных мужей», оказался сосланным в отдалённый Отенский монастырь, куда отправляли только провинившихся монахов, остается неизвестной.

Неблагоприятная обстановка не помешала Зиновию не только стать одним из самых образованных людей своего времени, но и создать произведения, прославившие его имя и оставившие заметный след в истории средневековой письменности и политико-правовой мысли. Перу Зиновия с наибольшей вероятностью приписывается несколько Посланий разным лицам, Похвальных слов русским святым подвижникам и солидное произведение «Истины показание к вопросившим о новом учении», написанное приблизительно в середине 1560-х годов, посвященное разоблачению «нового» учения Феодосия Косого. В «Истине показании» Зиновий рассмотрел также и ряд острых социальных, политических и правовых проблем. В нём же он подробно изложил и свой политический идеал, прибегнув, как и Киевский митрополит Иларион, к самому высокому аллегорическому сопоставлению желаемой формы правления с главным догматом православной конфессии христианства – Троицей: к Аврааму явились три мужа в виде трех ангелов, представив ему «трех единославное господство и равночестное и единомысленное купночестие... трех достоинство равночестия и вкупемыслия, занеже показати яко вкупе реша трие мужа Аврааму: тако сотвори, яже глагола». Если бы эти «два мужа с третьим мужем не сопрестольны были бы Богови, ниже соповелительны воедино с Богом, то и не глаголали бы вкупе с Богом Аврааму: тако сотвори, яже глагола». Зиновий задается вопросом: кем были эти два мужа и почему они были призваны Богом и повелевали вмести с Ним? И дает ответ: три мужа ангелами быть не могли, ибо роль ангелов служебная, и со слугами Бог бы не стал советоваться. Ранее Бог создал землю и все на ней («сказал и стало»), не советуясь ни с кем, но, приступая к созданию человека, который должен властвовать надо всем, что было Им сотворено, Богу потребовался совет, за которым Он обратился «к равночестным и единославным Ему, имеющим равное значение Божества» – Сыну и Святому духу. «Ныне же Священное Писание показа двоих к единому неразличное

же, ниже раздвоенное меньших от большего, но единое господство трех показа и равночестное владычество Божества, вегда глаголати трием вкупе сие еже тако сотвори, яже глагола... Если были бы меньше два единого, предстояли бы оба единому, но не смели бы они перед Владыкой повелевать Авраамом...»⁶³.

Этим примером Зиновий хотел показать, что если уж Самому Богу потребовался совет, то, безусловно, царь обязан советоваться со своими синклитами⁶⁴, поскольку царь такой же человек, как и все люди, превосходящий их «только саном владычества»⁶⁵.

Несмотря на богословское решение проблемы, мыслитель придал ему вполне реальное обоснование – необходимость наличия при носителе верховной власти «вкупемысленного совета», имеющего право не только «глаголати», но и «повелевати».

Зиновий, как и многие его современники, не одобрял «самовластия» царей. В Послании к бывшим крупным церковным иерархам, ныне заточенным на Соловецком острове, Зиновий, утешая опальных иерархов, подавал им и надежду на возможные скорые перемены в их трагической судьбе, связывая её с наказанием царей, которые возвеличивают себя и правят самовольно, предсказывая им неизбежность Божественного гнева. «И еже царем величие мнится, не хочу же глаголати, яже последуют величию их, скорее бо злака [скорее, чем вырастет и созреет злак – *Н. З., Т. В.*] изменяются высими и низлагаемы», потому что Бог «от похотителей истинные славы и живота бессмертного и превысокие чести неприимныя (не приемлет). Он предаёт забвению таких, которые «наипаче же яко самовластие имат»⁶⁶.

Таким образом, следует заключить, что Зиновий в этом Послании (его принято называть Утешительным) предрекает скорый конец властителям, правящим самовольно («по своим похотениям»). Нет никаких сомнений в том, что все печальные предсказания о судьбе «самовольных»-«самохотящих» царей относятся к Ивану Грозному. Возможно даже предположить, что Зиновий Отенский допускал в какой-либо форме и неподчинение верховному правителю, не выполняющему возложенных на него обязательств. Косвенным подтверждением можно считать упоминание им поступков «противу миродержцев», совершенных отечественными «блаженными святыми отцами нашими»:

«Феодосием Печерским, Варлаамом же и Сергие, и Кирила, и Никона, и Алексей и прочие ...»⁶⁷.

Сходные по содержанию варианты организации верховной власти с более подробной их разработкой были предложены анонимным автором или авторами «Беседы Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев» и близким к ней по тематике «Ино сказанием той же беседы» [35, с. 161–195]⁶⁸. До настоящего времени дискуссионным является вопрос о политическом идеале, представленном в каждом из этих произведений. Наибольшие споры вызывает «Валаамская беседа».

А. С. Павлов полагал, что политический идеал «Беседы» совпадает «с возвышенным понятием самого Ивана IV о политическом значении самодержавия» [36, с. 137–138]. Г. П. Бельченко усматривал в авторе «Беседы» сторонника «сильного самодержавия», не обнаруживая в ней даже и «намек на земский совет», считая, что «автор “Беседы” или не был сторонником этого учреждения, или не имел о нём никакого представления» [37, с. 6]. А. С. Архангельский, напротив, признавал, что в «Беседе» неоднократно повторяется мысль о необходимости царю управлять своим государством «со своими князи и бояры и прочими мирянами», с которыми ему всегда надлежит « совеща́ти о всяком деле», а «сверх всяких советов» обращаться к «святым божественным книгам и почасту их прочитати» [38, с. 292–293]. Написание «Беседы» А. С. Архангельский относил к середине XVI в. (1550–1551 гг.), времени, когда такой совет (собор) уже был «воздвигнут», но посчитал, что его нельзя ещё считать «представительным сословным собранием», поскольку «в XVI в. для него (его деятельности – *Н.З., Т.В.*) не сложились условия» [38, с. 294]. Однако первый Земский собор собрался уже в 1549 г.⁶⁹, за ним последовали и другие. Скорее всего именно эти соборы имел в виду автор «Валаамской Беседы», написав, что решать все дела должны «царие и великие князи и прочии с миром власти» должны во «вселенских соборах» [35, с. 165]. Под формулами «весь мир» и «вселенский собор» автор «Беседы» имел в виду именно Земский собор⁷⁰.

Политический идеал «Валаамской Беседы» также не однозначно оценивается в её историо-

⁶⁷ Там же. – С. 911.

⁶⁸ В настоящей работе мы не касаемся разрешения дискуссионной темы об авторах этих произведений, а только подвергаем анализу представленный в каждом из них политический идеал, т. е. непосредственно форму правления.

⁶⁹ Л. В. Черепнин утверждает, что «1549 год можно условно считать годом рождения Земских соборов – условно, потому, корни сословно-представительных учреждений восходят к более раннему времени» (см.: Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. – Москва: Наука, 1978. – С. 77).

⁷⁰ В таком значении понимали формулу «вселенский собор»: Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. – Москва: скл. изд. у авт., 1902. – С. 228–229; Петров Н. А.

⁶³ Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. – Казань, 1863. – С. 134–135.

⁶⁴ Синклит [гр. *synkletos*] – «в Древней Греции собрание высших сановников» (Словарь иностранных слов. – Москва: Русский язык, 1982. – С. 456).

⁶⁵ Зиновий Отенский. Указ. соч. – С. 136. Здесь явно дана в перифразе 21-я глава «Наставления» Агапита, полностью приведённая нами выше.

⁶⁶ Зиновий Отенский. Указ. соч. – С. 127.

графии. И. И. Смирнов утверждает, что «свое рассуждение о самодержавной власти царя автор «Беседы» резюмирует в следующих словах: «Не с иноки Господь повелел царям царство и грады, и волости держати и власть имети, а с князи, и с бояры и с прочими миряны, а не с иноки». Такова позиция автора «Беседы» о самодержавии» [39, с. 251–252]. Однако цитата из «Беседы», приведенная И. И. Смирновым, свидетельствует о желании её автора видеть при монархе Совет, состоящий из представителей основных сословий России за исключением духовенства. А. А. Зимин тоже полагает, что «в соответствии с идеологией растущего самодержавия автору «Валаамской Беседы» самодержавие представляется в виде царской власти, сочетающейся с властью бояр, князей и прочих мирян» [40, с. 206]. Г. Н. Моисеева подтверждает, что в «Беседе» рассматривается «вопрос о самодержавной власти царя» [35, с. 94, 99]. Н. А. Казакова видит в авторе «Беседы» «сторонника самодержавия» [41, с. 135–136]. И. У. Будовниц сообщает, что автор «Беседы Валаамских чудотворцев», рассмотрев «вопрос о самодержавной власти», «высоко поднял значение царей-самодержцев» [1, с. 247, 250]. И. Я. Фроянов, напротив, увидел в «Валаамской беседе» и «Ином сказании» то же «идеологию, разрушающую самодержавие и отвергающую «построение святорусского царства», считая, что её «смело можно назвать программой партии Сильвестра–Адашева», поскольку «по духу и сути эта программа близка реформаторству Избранной рады» [42, с. 91–92, 93], с чем нельзя не согласиться, исключая «отвержение построения святорусского царства», поскольку такое «отвержение» отсутствует не только в этих двух произведениях, но и вообще в творчестве всех средневековых мыслителей и писателей. А. И. Плигузов справедливо, на наш взгляд, усматривает близость идеологических позиций между «Валаамской беседой» и трудами Зиновия Отенского [43, с. 21].

Анонимное сочинение «Ино сказание тоя же Беседы» в некоторых сохранившихся списках приписано к «Беседе». Оба сочинения связаны общей темой – формулированием наилучшей формы правления для современной им России. Но если в «Беседе» она только обозначена, то в «Ином сказании» рассмотрена подробно. «Иное сказание» начинается с пожелания «христоролюбивым царем и богоизбранным, благочестивым и великим князьям руския земли, избранные воеводы своя войско крепити

и царство во благоденствии соединити...» под властью великого князя Московского, которому для управления государством «с царской премудрой мудростью» необходимо «с радостью воздвигнуть» «Единомысленный вселенский совет» [35, с. 191]⁷¹, в который вошли бы представители «ото всех градов своих, и от уездов градов тех, без величества и высокоумные гордости с хриstopодобною смиренной мудростию», т. е. выбираются в него представители от всех сословий, а не только от великих («высокоумных») людей. Желательно также, чтобы среди них были и люди «от всех мер», т. е. сведущие в разных делах и промыслах (о том писал и А. М. Курбский). Совет этот предлагается государю «беспременно всегда держати погодно при себе... и на всяк день их добре и добре распросити царю самому о всегоднем посту и о покаянии мира всего, и про всякое дело мира сего» [35, с. 191–192] (курсив наш – Н.З., Т.В.).

Автор «Иного сказания» настолько очевидно представил свой политический идеал в виде сословно-представительной монархии, что он не оспаривается учёными.

Государев дьяк **Иван Тимофеев**, заставший опричнину и бывший очевидцем её трагических последствий, прошедший через Смуту (ум. в начале 1631), в своем «Временнике», написанном в основном в Новгороде в течение второй половины XVI в., формулируя свой политический идеал, продолжил мысли своих предшественников, выразив их с наибольшей полнотой и обоснованностью. Суверенность стране и процветание её народу способно обеспечить только наличие при носителе верховной власти «Всеобщего единомысленного собрания», способного противостоять «повелеванию [властей] не по закону», представляя достойные возражения [«возбранения»] против неудобных Богу и людям начинаний. Он называет это собрание его по-разному: «Вселюдский собор», «Людское множество», «Многочеловечное собрание», «Единомысленное совокупление» и т. п., но смысл везде одинаков – создать постоянное выборное учреждение при носителе верховной власти – монархе, способное обеспечить согласованное действие всех его членов, ибо только единое общественное мнение представителей народа может заставить правителей следовать «древним благоустановлениям и отцов преданиям»

Беседа преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев. – Воронеж : тип. т-ва Н. Кравцов и К°, 1906. – С. 269; Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. – Москва : Наука, 1978. – С. 94. В таком же значении эта формула употреблялась и в правовых актах (См.: Преамбула к Судебнику 1589 г.; Судебники XV–XVI вв. – Москва: АН СССР, 1952. – С. 366).

⁷¹ И. Я. Фроянов в формуле «вселенский совет» усматривает «хитрость, пущенную в ход, чтобы смазать различие между православием и католичеством», полагая, что «Иное сказание» ставило себе задачей «санкционировать создание вселенского царства», изображая «православие и католичество как единоверие», «выступая глашатаем униатства» (см.: Фроянов И. Я. «Валаамская беседа» в религиозно-политических спорах середины XVI в. // Вестник Удмуртского университета. – 2006. – № 7. – С. 92–110). Выше мы уже объяснили, что прилагательное «вселенский» всегда понималось только в значении «всесословный».

[44, с. 161–162, 339–340]⁷². России нужно не какое-либо «малое совокупление», не способное к сопротивлению («возбранению») властителю, а именно «Вселюдский собор». Вывод вполне однозначный: если народ (представители сословий) не будет участвовать в управлении государством, то и отвечать за его результаты он не сможет. Иван Тимофеев обращает внимание не только на сословный состав этого «Многочленного собрания», но и согласованность его действий, отмечая, что члены такого собрания должны быть мужественными и единомысленными, способными без страха «представить совокупное сопротивление» властям в случае противозаконных действий с их стороны. Во времена «самовольных» правлений царей-тиранов (тиранами мыслитель называл не только Ивана Грозного, но и Бориса Годунова) русские люди утратили между собой «любовный союз» из-за «возгнездившегося» в них «страхования» и взаимного недоверия [44, с. 163, 341], поскольку никто не был уверен в своей личной безопасности и сохранности своего имущества. Тираны добились «страшищества» и «слабости» всего народа [44, с. 162, 340], поэтому все свои надежды на спасение России Иван Тимофеев возлагает только на «Вселюдское собрание».

Мыслитель довольно впечатляюще представил желательную для России форму правления, завершив её описание словами: «Если же нам достичь этого [такой организации верховной власти – Н. З., Т. В.] не удастся, то мы уже и не живём, а являемся безответными ответчиками в будущем за всеобщую погибель» [44, с. 163, 341–342].

Казалось бы, у исследователей не должно возникать сомнений по вопросу о том, какую форму правления выбирает Иван Тимофеев для России. Но дореволюционные, советские и современные исследователи к единому мнению о политическом идеале государя дьяка Ивана Тимофеева не пришли. П. Г. Васенко полагал, что Иван Тимофеев был «приверженцем теократического абсолютизма» [45, с. 99]. По мнению Н. П. Долинина, в сочинении дьяка Ивана наиболее последовательно выражена «идея централизованной абсолютной власти», а непосредственным «...идеалом Тимофеева является единая, сильная великая «всея Россия» – феодально-самодержавная Россия» [46, с. 141, 142, 163]. И. И. Полосин, критикуя оценку П. Г. Васенко политического идеала «Временника» как «теократическую монархию», назвал Ивана Тимофеева «последовательным монархистом» [47, с. 289], но этого определения явно недостаточно, потому что монархия могла быть ограниченной (сословно-представительной, на-

пример) или абсолютной. Публикатор и переводчик «Временника» О. А. Державина характеризует его автора «как сторонника сильной власти единогодержавного правителя», целиком «разделяющего политическую теорию, которая была создана всем ходом истории и получила своеобразное выражение у ряда писателей XVI в.». Однако далее она завершает эту мысль совсем не вытекающим из нее выводом: «Наиболее яркое и полное оформление эта теория приобрела в сочинениях Ивана Грозного». Но в сочинениях Ивана Тимофеева была сформулирована совсем другая теория, нежели у Ивана Грозного, а прямо ей противоположная, как и у всех его предшественников. Данный факт пришлось признать и О. А. Державиной, написавшей, что «оценки отдельных фактов и явлений в рассказе Тимофеева оказываются иногда в противоречии с его политической теорией». Добавим, что не с теорией Тимофеева эти «факты» и «оценки» «оказываются в противоречии, а со взглядами Ивана Грозного. Не «возникает» у Тимофеева и «из признания богоустановленности власти» «идеи неограниченности власти правителя» [44, с. 368], как не является автор «Временника» и «сторонником сильной самодержавной власти» [44, с. 372], но что совершенно верно, так это слова, сказанные О. А. Державиной в заключение: «Под пером Тимофеева образ истинного царя Грозного превращается в образ царя-тирана» [44, с. 379]. Тимофеев утверждал, что введенный опричниной «земли всей великий раскол» разделил весь русский народ на две половины, ввергнул его «в розгласие», а «ярость царя», обрушившаяся на его же подданных, в конечном счёте привела страну «оттуда и до здесь», т. е. от введения опричнины до Смуты и гражданской войны [44, с. 12, 175].

Полагаем, что ни одна из вышеозначенных оценок политического идеала И. Тимофеева не соответствует его собственному о нём представлению, изложенному во «Временнике», а является интерпретацией применительно к современным для исследователей обстоятельствам. Однако будем и мы справедливы, учтём сложное время 30–50-х гг. XX века, в которое выносились эти оценочные критерии. Может, и тогда авторам из-за «несмелства» и «страшищества» нельзя было высказаться иначе, не в соответствии с существующими тогда правилами.

Хронологически мы заканчиваем статью концом XVI – началом XVII в., как бы обозначая (условно) переход к Новому времени, но при этом отметим, что и в продолжение всего XVII в. (включительно) в многочисленной анонимной литературе Смутного времени, а также в политических учениях И. А. Хворостинина, И. М. Катырева-Ростовцева, С. И. Шаховского, Г. Котошихина. Ю. Крижанича, А. Л. Ордина-Нащокина (далеко не полный перечень) про-

⁷² Для более точного понимания мыслей Ивана Тимофеева считаем необходимым указать и текст, и перевод.

должали развиваться идеи сословного представительства. Более того, они получили свое детализированное воплощение в правовых актах: Подкрестной (Крестоцеловальной) записи Василия Шуйского (1606), Судебнике 1606/07 гг., двух вариантах Договоров о приглашении польского королевича Владислава на Московское государство (1610 г.) и Приговоре Земского собора Первого ополчения (1611 г.).

Подводя итог рассмотрению избранной темы, можно сделать следующие **выводы**.

Во-первых, понимание исследователями политического идеала средневековых мыслителей зависит от оценки как непосредственно их трудов, так и исторических условий, в которых они были созданы.

Во-вторых, достижению единства в определении форм правления, формирующихся в разные исторические эпохи, как и в оценках сопутствующих им политико-правовых учений, препятствует сохранение некоторых устаревших схем, многие из которых возникли еще в дореволюционный период, были некритически восприняты в советской историографии и сохраняются поныне: деление мыслителей на светских и религиозных; прогрессивных и реакционных; бояр, дворян, купцов и крестьян; с определением их политического идеала в зависимости от их сословного статуса и классовой

принадлежности, которую, кстати, далеко не всегда возможно определить.

В-третьих, в исторических и особенно историко-правовых исследованиях не следует распространять «на старые времена» «новую терминологию» (В. О. Ключевский), т. е. при анализе ключевых понятий необходимо всегда применять не современную терминологию, а историческую, использовавшуюся средневековыми мыслителями при характеристике существующих (для них) исторических условий и в предлагаемых ими проектах государственно-правовых преобразований, обратив особое внимание на термины, вызывающие до настоящего времени наибольшее количество споров у современных учёных: самодержавие, единодержавие, абсолютизм и теократия.

В-четвертых, решение обозначенных в настоящей работе дискуссионных проблем, касающихся организации верховной государственной власти (как в её историческом существовании, так и в предлагаемых мыслителями проектах по её реорганизации или изменению) способно привести исследователей к более адекватному и согласованному суждению при учёте представителями гуманитарных наук в своих исследованиях теоретических положений о формах государства (формах правления, политических режимах и соотношении между ними).

Список литературы

1. Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. – Москва, Ленинград: АН СССР, 1947. – 311 с.
2. Сыромятников Б. И. Из истории политических учений России. Очерк первый // Советское государство и право. – 1940. – № 10. – С. 21–42.
3. История русской литературы : в 4 т. Древнерусская литература. – Ленинград: Наука, 1980–1983. – Т. I. – 813 с.
4. Дьяконов М. А. Власть московских государей: Очерк из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. – Москва: Либроком, 2021. – 224 с.
5. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. – Москва: Территория будущего, 2006. – 463 с.
6. Бегунов Ю. К. «Слово иное» – новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением Церкви // ТОДРЛ. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1964. – Т. XX. – С. 351–364.
7. Послания Иосифа Волоцкого / подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1959. – 390 с.
8. Kologrivov J. Essays on the history of Russian holiness. – Brussels, 1961. – 423 p.
9. Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. – Москва: АН СССР, 1960. – 411 с.
10. Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения. – Москва: Имп. общество истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1881. – 890 с.
11. Медушевская Н. Ф., Уткин Г. Н. Идея правды: сущность, содержание, роль в отечественной правовой культуре : монография. – Москва: Московский университет МВД России, 2008. – 160 с.
12. Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. – Киев, 1901. – 1029 с.
13. Золотухина Н. М. Политико-правовая мысль России XVI в. Филофей и «Филофеев цикл» : монография. – Москва: РГУП, 2015. – 427 с.
14. Кимеева Е. Н. «Послание митрополиту Даниилу» Федора Карпова [XVI в.] // ТОДРЛ, Москва; Ленинград: АН СССР, 1953. – Т. IX. – С. 220–234.

15. *Клибанов А. И.* «Правда Федора Карпова» / Общество и государство феодальной России : сборник статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина. – Москва: Наука, 1975. – С. 141–150.
16. *Морозова Л. Е.* Иван Грозный и публицисты XVI в. О пределах и характере царской власти / Римско-Константинопольское наследие: идея власти и политическая практика: материалы IX Международного семинара «Историческое исследование “От Рима к Третьему Риму”». – Москва, 1995. – С. 236–251.
17. *Ненашев Ю. Н.* Форма правления в правовом учении Ф. И. Карпова о государстве // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 1. – С. 176–180.
18. *Синицына Н. В.* Раннее творчество преподобного Максима Грека // Преподобный Максим Грек. Сочинения: в 2 т. – Москва: «Индрик», 2008. – Т. I. – С. 15–83.
19. *Казакова Н. А.* Максим Грек и идея сословной монархии // Общество и государство феодальной монархии : сборник статей. – Москва: Наука, 1975. – С. 151–158.
20. *Шевченко М. Н.* К вопросу об идеале государственного устройства в сочинениях Максима Грека // Вестник Омского университета. – 2009. – № 3. – С. 56–61.
21. *Комова Н. Б.* Идея монархической власти в России на рубеже XV–XVI веков // Юрист-Правовед. – 2012. – № 1 (50). – С. 27–31.
22. *Андреева Л. А.* «Цареславие в России» // Общественные науки и современность. – 2013. – № 1. – С. 121–134.
23. *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека. – Ленинград: Наука, 1969. – 248 с.
24. *Черепнин Л. В.* Методология исторического исследования. – Москва: Наука, 1981. – 280 с.
25. *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времен Ивана Грозного. – Москва: Наука, 1982. – 184 с.
26. Сочинения И. Пересветова / подготовил текст А. А. Зимин; под ред. Д. С. Лихачева. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1956. – 388 с.
27. *Кизеветтер А. А.* Иван Пересветов // Melanges Pierre Struve. – Praha, 1925. – С. 279–288.
28. *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. – Москва: АН СССР, 1958. – 498 с.
29. *Черепнин Л. В.* Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. – Москва: Наука, 1978. – 417 с.
30. *Ячменёв Ю. В.* Правда и закон. Из истории российского правоведения : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001. – 445 с.
31. *Фроянов И. Я.* Драма русской истории: на путях к Опричнине. – Москва: Русский изд. центр, 2012. – 1066 с.
32. *Баранов П. П.* Проблема соотношения морали, права и самодержавия в политико-правовой мысли России XV–XVI вв. // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2011. – № 4. – С. 19–27.
33. *Перевезенцев С. В.* Царь Иван IV Грозный. – Москва: Русский мир, 2005. – 720 с.
34. *Саккетти А. Л.* Политическая программа И. С. Пересветова // Вестник МГУ. – 1951. – Вып. 1. – С. 107–117.
35. *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа» – памятник русской публицистики середины XVI века: [Исследования и тексты]. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 199 с.
36. *Павлов А. С.* Исторический очерк о секуляризации церковных земель в России. Попытки к обращению в собственность поземельных владений России (1503–1580). – Одесса: Тип. Ульриха и Шульца, 1871. – Ч. 1. – 170 с.
37. *Бельченко Г. П.* К вопросу о составе и об авторе: Беседы преп. Сергия и Германа, валаамских чудотворцев. – Одесса: Экономическая тип., 1914. – 131 с.
38. *Архангельский А. С.* Из лекций по истории русской литературы: Литература Московского государства (кон. XV–XVII вв.). – Казань: Тип. Казанского Имп. ун-та, 1913. – 267 с.
39. *Смирнов И. И.* «Беседа валаамских чудотворцев» и ее место в русской публицистике XVI в. // Исторические записки. – 1945. – Т. 15. – С. 247–261.
40. *Зимин А. А.* «Беседа валаамских чудотворцев» как памятник позднего нестяжательства // ТОДРЛ. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1955. – Т. XI. – С. 198–208.
41. *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1960. – 363 с.
42. *Фроянов И. Я.* «Валаамская беседа» в религиозно-политических спорах середины XVI в. // Вестник Удмуртского университета. – 2006. – № 7. – С. 78–98.
43. *Плигузов А. И.* Poleмика в русской церкви первой трети XVI столетия. – Москва: Индик, 2002. – 415 с.
44. *Временник Ивана Тимофеева* / подгот. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1951. – 524 с.

45. *Васенко П. Г.* Дьяк Иван Тимофеев – автор Временника (к истории перелома в развитии древней русской исторической мысли // Журнал Министерства народного просвещения, Новая серия. – 1908. Март. – Ч. XIV. – С. 88–121.

46. *Долинин М. П.* Общественно-политические взгляды Ивана Тимофеева. К вопросу об истории русской общественной мысли XVII в. // Научные записки Днепропетровского ун-та, историко-филолог. ф-та. – Киев. – 1954. – Вып. 2. – Т. 42. – С. 135–164.

47. *Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI – начала XVII вв. – Москва: АН СССР, 1963. – 384 с.

References

1. *Budovnits I. U.* Russkaya publitsistika XVI veka. – Moskva, Leningrad: AN SSSR, 1947. – 311 s.
2. *Syromyatnikov B. I.* Iz istorii politicheskikh ucheniy Rossii. Ocherk pervyy // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1940. – № 10. – С. 21–42.
3. *Istoriya russkoy literatury* : v 4 t. Drevnerusskaya literatura. – Leningrad: Nauka, 1980–1983. – Т. I. – 813 s.
4. *D'yakonov M. A.* Vlast' moskovskikh gosudarey: Ocherk iz istorii politicheskikh idey Drevney Rusi do kontsa XVI v. – Moskva: Librokom, 2021. – 224 s.
5. *Val'denberg V. Ye.* Drevnerusskiye ucheniya o predelakh tsarskoy vlasti: Ocherki russkoy politicheskoy literatury ot Vladimira Svyatogo do kontsa XVII veka. – Moskva: Territoriya budushchego, 2006. – 463 s.
6. *Begunov Yu. K.* «Slovo inoye» – novonaydennoye proizvedeniye russkoy publitsistiki XVI v. o bor'be Ivana III s zemlevladiyem Tserkvi // TODRL. – Moskva; Leningrad: AN SSSR, 1964. – Т. XX. – С. 351–364.
7. *Poslaniya Iosifa Volotskogo / podgotovka teksta A. A. Zimina i Ya. S. Lur'ye.* – Moskva; Leningrad: AN SSSR, 1959. – 390 s.
8. *Kologrivov J.* Essays on the history of Russian holiness. – Brussels, 1961. – 423 p.
9. *Klibanov A. I.* Reformatsionnyye dvizheniya v Rossii v XIV – pervoy polovine XVI vv. – Moskva: AN SSSR, 1960. – 411 s.
10. *Zhmakin V. I.* Mitropolit Daniil i yego sochineniya. – Moskva: Imp. obshchestvo istorii i drevnostey ros. pri Mosk. un-te, 1881. – 890 s.
11. *Medushevskaya N. F., Utkin G. N.* Ideya pravdy: sushchnost', sodержaniye, rol' v otechestvennoy pravovoy kul'ture: monografiya. – Moskva, 2008. – 160 s.
12. *Malinin V.* Starets Yeleazarova monastyrja Filofey i yego poslaniya. – Kiyev, 1901. – 1029 s.
13. *Zolotukhina N. M.* Politiko-pravovaya mysl' Rossii XVI v. Filofey i «Filofeyev tsikl»: monografiya. – Moskva: RGUP, 2015. – 427 s.
14. *Kimeyeva Ye. N.* «Poslaniye mitropolitu Daniilu» Fedora Karpova [XVI v.] // TODRL, Moskva; Leningrad: AN SSSR, 1953. – Т. IX. – С. 220–234.
15. *Klibanov A. I.* «Pravda Fedora Karpova» // Obshchestvo i gosudarstvo feodal'noy Rossii: sbornik statey, posvyashchenny 70-letiyu akademika L. V. Cherepnina. – Moskva: Nauka, 1975. – С. 141–150.
16. *Morozova L. Ye.* Ivan Groznyy i publitsisty XVI v. O predelakh i kharaktere tsarskoy vlasti / Rimsko-Konstantinopol'skoye naslediyе: ideya vlasti i politicheskaya praktika: materialy IX Mezhdunarodnogo seminarа istoricheskoye issledovaniye «Ot Rima k Tret'yemu Rimu». – Moskva, 1995. – С. 236–251.
17. *Nenashev Yu. N.* Forma pravleniya v pravovom uchenii F. I. Karpova o gosudarstve // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2008. – № 1. – С. 176–180.
18. *Sinitsyna N. V.* Ranneye tvorchestvo prepodobnogo Maksima Greka // Prepodobnyy Maksim Grek. Sochineniya: v 2 t. – Moskva: «Indrik», 2008. – Т. I. – С. 15–83.
19. *Kazakova N. A.* Maksim Grek i ideya soslovnoy monarkhii // Obshchestvo i gosudarstvo feodal'noy monarkhii : sbornik statey. – Moskva: Nauka, 1975. – С. 151–158.
20. *Shevchenko M. N.* K voprosu ob ideale gosudarstvennogo ustroystva v sochineniyakh Maksima Greka // Vestnik Omskogo un-ta. – 2009. – № 3. – С. 56–61.
21. *Komova N. B.* Ideya monarkhicheskoy vlasti v Rossii na rubezhe XV–XVI vekov // Yurist-Pravoved. – 2012. – № 1 (50). – С. 27–31.
22. *Andreyeva L. A.* «Tsareslaviye v Rossii» // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. – 2013. – № 1. – С. 121–134.
23. *Ivanov A. I.* Literaturnoye naslediyе Maksima Greka. – Leningrad: Nauka, 1969. – 248 s.
24. *Cherepnin L. V.* Metodologiya istoricheskogo issledovaniya. – Moskva: Nauka, 1981. – 280 s.
25. *Zimin A. A., Khoroshkevich A. L.* Rossiya vremen Ivana Groznogo. – Moskva: Nauka, 1982. – 184 s.
26. *Sochineniya I. Peresvetova / podgotovil tekst A. A. Zimin; pod red. D. S. Likhacheva.* – Moskva; Leningrad: AN SSSR, 1956. – 388 s.
27. *Kizevetter A. A.* Ivan Peresvetov // Melanges Pierre Struve. – Praha, 1925. – С. 279–288.
28. *Zimin A. A. I. S.* Peresvetov i yego sovremenniki: Ocherki po istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli serediny XVI v. – Moskva: AN SSSR, 1958. – 498 s.

29. *Cherepnin L. V.* Zemskie sobory russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv. – Moskva: Nauka, 1978. – 417 s.
30. *Yachmenov Yu. V.* Pravda i zakon. Iz istorii rossiyskogo pravovedeniya: monografiya. – Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskiy un-t MVD Rossii, 2001. – 445 s.
31. *Froyanov I. Ya.* Drama russkoy istorii: na putyakh k Oprichnine. – Moskva: Russkiy izd. tsentr, 2012. – 1066 s.
32. *Baranov P. P.* Problema sootnosheniya morali, prava i samoderzhaviya v politiko-pravovoy mysli Rossii XV–XVI vv. // Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik. – 2011. – № 4. – S. 19–27.
33. *Perevezentsev S. V.* Tsar' Ivan IV Groznyy. – Moskva: Russkiy mir, 2005. – 720 s.
34. *Sakketti A. L.* Politicheskaya programma I. S. Peresvetova // Vestnik MGU. – 1951. – Vyp. 1. – S. 107–117.
35. *Moiseyeva G. N.* «Valaamskaya beseda» – pamyatnik russkoy publitsistiki serediny XVI veka: [Issledovaniya i teksty] Moskva; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958. – 199 s.
36. *Pavlov A. S.* Istoricheskiy ocherk o sekulyarizatsii tserkovnykh zemel' v Rossii. Popytki k obrashcheniyu v sobstvennost' pozemel'nykh vladenyi Rossii (1503–1580). – Odessa: Tip. Ul'rikha i Shul'tsa, 1871. – Ch.1. – 170 s.
37. *Belchenko G. P.* K voprosu o sostave i ob avtore: Besedy prep. Sergiya i Germana, valaamskikh chudotvortsev. – Odessa: Ekonomicheskaya tip., 1914. – 131 c.
38. *Arkhangelskiy A. S.* Iz lektsiy po istorii russkoy literatury: Literatura Moskovskogo gosudarstva (kon. XV–XVII vv.). – Kazan': Tip. Kazanskogo Imp. un-ta, 1913. – 267 s.
39. *Smirnov I. I.* «Beseda valaamskikh chudotvortsev» i yeye mesto v russkoy publitsistike XVI v. // Istoricheskiye zapiski. – 1945. – T. 15. – S. 247–261.
40. *Zimin A. A.* «Beseda valaamskikh chudotvortsev» kak pamyatnik pozdnego nestyazhatel'stva // TODRL. – Moskva; Leningrad: AN SSSR, 1955. – T. XI. – S. 198–208.
41. *Kazakova N. A.* Vassian Patrikeyev i yego sochineniya. – Moskva; Leningrad: AN SSSR, 1960. – 363 s.
42. *Froyanov I. Ya.* «Valaamskaya beseda» v religiozno-politicheskikh sporakh serediny XVI v. // Vestnik Udmurtskogo un-ta. – 2006. – № 7. – S. 78–98.
43. *Pliguzov A. I.* Polemika v russkoy tserkvi pervoy treti XVI stoletiya. – Moskva: Indrik, 2002. – 415 s.
44. *Vremennik Ivana Timofeyeva / podgot. k pechati, per. i komment. O. A. Derzhavinoy; pod red. V. P. Adrianovoy-Peretts.* – Moskva; Leningrad: AN SSSR, 1951. – 524 s.
45. *Vasenko P. G.* D'yak Ivan Timofeyev – avtor Vremennika (k istorii pereloma v razvitii drevney russkoy istoricheskoy mysli // ZhMNP, Novaya seriya. – 1908. Mart. – Ch. XIV. – S. 88–121.
46. *Dolinin M. P.* Obshchestvenno-politicheskiye vzglyady Ivana Timofeyeva. K voprosu ob istorii russkoy obshchestvennoy mysli XVII v. // Nauchnyye zapiski Dnepropetrovskogo un-ta, istoriko-filolog. f-ta. – Kiyev. – 1954. – Vyp. 2. – T. 42. – S. 135–164.
47. *Polosin I. I.* Sotsial'no-politicheskaya istoriya Rossii XVI – nachala XVII vv. – Moskva: AN SSSR, 1963. – 384 s.

Статья поступила в редакцию 16.06.2023; одобрена после рецензирования 11.07.2023; принята к публикации 12.10.2023.

The article was submitted June 16, 2023; approved after reviewing July 11, 2023; accepted for publication October 12, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.